

Офицерский
Честный
роман

Вячеслав
Непомичев

Дневник полковника Макогонова

Офицерский роман. Честь имею

Вячеслав Немышев

Дневник полковника Макогонова

«ВЕЧЕ»

2016

Немышев В. В.

Дневник полковника Макогонова / В. В. Немышев — «ВЕЧЕ»,
2016 — (Офицерский роман. Честь имею)

ISBN 978-5-4444-8704-4

«Дневник полковника Макогонова» – это завершающая, третья, книга (первая и вторая книги – «Бучка» и «Синдром Корсакова») эпопеи о чеченских событиях известного тележурналиста Вячеслава Немышева. 2002–2004 годы. Идет контртеррористическая операция на Северном Кавказе – борьба с бандитским подпольем. Что это – возвращение методов НКВД или настоящая борьба с террором? Может ли офицер военной разведки вести дневник? Это непростой вопрос. Ответ – на страницах повести.

ISBN 978-5-4444-8704-4

© Немышев В. В., 2016
© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

От первого лица	6
Август 2004. Грозный	7
Часть первая. В городе...	20
Глава первая	20
Глава вторая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Вячеслав Немышев

Дневник полковника Макогонова

Памяти моего друга – Александра Соломатина

*...всем нам по душе пропаганда (мало-мальски красноречивая),
когда мы согласны с ней, и, наоборот, никому из нас не по вкусу
пропаганда (пусть даже самая красноречивая), если она ратует за
ненавистное нам дело.*

Эрик Бентли «Жизнь драмы»

© Немышев В.В., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

Сайт издательства www.veche.ru

От первого лица

Никогда не задумывались – почему, когда куришь у открытой форточки, иногда дым вытягивает, а иногда дым стоит: хоть окно распахни, полотенцем маши, как вентилятором, бесполезно – не улетучивается дым. Я догадался. Когда ветер навстречу – в окна, или нет совсем ветра, то дым не вытягивается наружу. А когда ветер дует в ту сторону, куда смотрят окна или поперек двора, тогда вытягивает. Тогда свежо в комнате, хоть куришь как паровоз с утра и до ночи.

Когда я заметил это оператору Олегу Пестикову, он отмахнулся от меня. Он сказал, что он не задумывается над такой ерундой – у него кредит. Что я стал каким-то нудным с тех пор как бросил пить, и еще все время придираюсь к картинке. Но дело в том, что Пестиков и в самом деле стал снимать хуже. Я объяснял это так – он взрослел. Мы крепко сдружились: и по дружбе я всегда прощал ему оплошности в композиционном решении и брак по звуку.

К августу две тысячи четвертого мы уже вместе не работали.

Но остались хорошими товарищами.

Меня зовут Григорий Вязенкин. Я военный корреспондент. Это мое амплуа.

Август 2004. Грозный

Я аккредитованный журналист на выборах президента Чеченской Республики. Нас много, корреспондентов центральных СМИ. Мы профессионалы. Андрей Твердиевич, руководитель правительственной пресс-службы, каждый вечер заходит к нам и сообщает о предстоящих акциях. Мы живем в вагончиках в самом центре охраняемого периметра, комплекса правительственных зданий.

За три месяца до этого девятого мая во время парада в честь Дня Победы произошел теракт. На стадионе в Грозном были взорваны трибуны с правительственными чиновниками и представителями общественности. Среди прочих погиб действующий на то время, законно избранный президент Чечни.

Августовские выборы должны были консолидировать общество.

Полпредом президента РФ была сформулирована концепция. Был явственно вырисован враг – мировой терроризм. И наши: Шамиль Басаев и Аслан Масхадов. С их ликвидацией ситуация в регионе должна была стабилизироваться. Спецслужбы, напрягаясь изо всех сил, ловили террористов: в подразделения «тяжелых», спецназа ФСБ, принимались только опытные проверенные бойцы, в том числе бывшие контрактники МО. Оперативные сотрудники ГРУ и ФСБ активно проводили работу по расширению агентурной сети. В местную милицию после проверки на непричастность к незаконным вооруженным формированиям массово поступали новые сотрудники.

Личный состав военных комендатур Грозного полностью заменился: на смену военно-служащими МО пришли части Внутренних войск, штатно укомплектованные солдатами срочной службы.

Мы, гражданские лица, теперь свободно передвигались по Грозному. Были места, куда мы не ездили в одиночку без охраны. Девятый Микрорайон, например, или район Старой Сунжи. Таких мест оставалось еще много. Но в центре – на проспекте Победы, Маяковского и Ленина – мы чувствовали себя вполне уверенно и безопасно.

У меня было много свободного времени.

Сегодня я подготовил к вечернему выпуску новостей репортаж о ходе предвыборной кампании.

Вчера из пресс-службы правительства нам принесли синопсис информационного сюжета. Принес не Андрей Твердиевич, а один из новых сотрудников. Этих сотрудников плюс сотрудников некоей пиар-кампании было человек двадцать. Сюжет был в поддержку Преемника курса. Мы читали. Каждый считал своим долгом сделать ксерокопию и сохранить на память предложенный синопсис.

Синопсис

«Преемник приезжает в детский дом. Происходит встреча с потенциальными избирателями. Электорат внимательно выслушивает предвыборную программу Преемника. Преемник говорит убедительно. Ему верят. После речи Преемнику начинают задавать вопросы. Один вопрос насущный: в детском доме не хватает мебели для активных игр и умственного развития. Преемник совершает обход спальных и игровых помещений. На кухне ему предлагают отпробовать еду. Он пробует. Говорит, что надо готовить лучше. Потому что дети – будущее республики. После обхода Преемник осознает проблему и обещает ее решить. На следующий день проблема решается. Конец сюжета».

Примерно так выглядел текст синопсиса. Когда Твердиевич прочитал его, спросил, видел ли кто-нибудь кроме нас. Мы сказали, что никто. Твердиевич сложил синопсис вчетверо и убрал в карман. Он ушел. Мы делились ксерокопиями с теми, кто еще не успел распечатать. Мы подумали и сказали друг другу, что Преемник, которого поддерживает большинство населения республики, все равно победит. Так чего тратить государственные деньги на всяких идиотов?

Итак, я снял сюжет.

С утра мы брали интервью у кандидатов – соперников Преемника. Кандидаты возмущенно с кавказским темпераментом заявили, что Преемник использует государственный ресурс. Поэтому шансы далеко не равные. И далее «участвовать в этом цирке» они не хотят! Прибежал редактор, – а мы писали интервью на местном телевидении, – и пригласил кандидатов проследовать в студию на теледебаты. Они проследовали.

Преемник выступал в конференц-зале Грозэнерго. Было жарко. Было много народа. Пот струями лился со лба и висков Преемника. Преемник стоял за трибуной и докладывал электорату свою программу; читал он с листка на русском, но часто сбивался. В конце своей речи он заявил, что не собирался участвовать в выборах, но воля народа для него закон. До войны Преемник был ментом. Он был настоящим советским ментом. Говорили, что он был неподкупен. Когда в девяносто пятом чеченцы разделились на два лагеря – кто за власть, кто за дудаевскую священную войну, – Преемник бился против дудаевцев насмерть в районе железнодорожного вокзала. Боевики прозвали его «Несгибаемый».

Как всякий честный человек, Преемник сомневался.

Я собрал сюжет: наглядная агитация на заборе Грозэнерго и пиар-акция для молодежи в техникуме; теледебаты на телевидении: «Мы не хотим участвовать в этом цирке»; доклад Преемника: «Я не хотел, меня заставили...» И т. д.

Мы перегнали сюжет в Москву.

Сюжет в эфир не пошел.

Попросили перегнать «синхрон» – часть доклада Преемника, где говорилось о программе развития региона. Мы перегнали. После выпуска позвонила редактор Ленок: «Григорий, – сказала она серьезно, – ты знаешь, какой год на дворе?» Ленок хихикнула и предложила мне окунуться головой в ведро с холодной водой.

– У вас есть ледяная? – спросила Ленок.

– У нас очень жарко, – сказал я.

Мои коллеги журналисты были, в общем-то, людьми не плохими, поэтому мы проводили свободное время по вечерам в приятных беседах. Мы отдыхали после жарких раскаленных будней. Мы всегда по всем вопросам находили общий язык – и Госканалы, и Независимые. Делились картинкой. В августе 2004-го мы были почти одним целым.

Андрей Андреевич Твердиевич заметно располнел. Но не стал толстяком, а только выглядел внушительнее: он стал терпимее к нам – корреспондентам центральных СМИ; носил светлую рубаху с короткими рукавами и вольного покроя льняные брюки, не носил галстуков. Мы помирились – пожали друг другу руки. «Прости, Андрей», – сказал я. «Прошлое», – сказал Андрей Андреевич.

Прошлое стало для меня ровным и понятным: как будто кто-то ответственный заасфальтировал кривую – в ямах и колдобинах – дорогу. Иногда я отправлялся в путь. Дорога вилась: то переваливалась через хребты, то спускалась в долину бурых трав, то петляла по горным серпантина мимо буковых рощ и укромных полянок с ранней февральской черемшой. По Первомайскому бульвару проходили саперы: мудрый Костя Романченко, взводный Каргулов. Бучка – тот неулыбчивый солдат с мутной зеленью в глазах, калмык Савва. Старик Вакула отчитывал за что-то майора Полежаева. Комендант Колмогоров шептал на ухо красавице Светлане Палне...

Я много думал о судьбе.

Судьба свела всех нас, непохожих и противоречивых в своей сущности людей. Судьба расставила кому запятые, кому точки – стальные кресты, сваренные из полуторадюймовых труб. Кресты постепенно стали убирать с улиц Грозного; ремонтные бригады вывозили мусор – сносились руины, и кое-где даже возводились жилые дома.

Судьба свела нас и развела.

И мы разошлись как в море корабли, каждый с мыслями о своем и об одном и том же: «Зачем? Ради чего? Неужели только война могла сблизить, сроднить нас? Отчего люди неближаются так крепко в радости, а только горе и несчастья делают нас братьями и сестрами?» Братья и сестры… Иногда я печалюсь. Иногда слушаю «Отель Калифорнию» группы Иглс, старую заезженную кассету моего оператора Олега Пестикова. Календарь с горничной в бикини давно сорвали со стены и даже переклеили обои в нашем вагончике. Но осталась Костиная фотография. Когда кто-нибудь, кто заходил к нам первый раз, спрашивал про Костю, я рассказывал только самую суть: был такой парень, погиб. Я старался говорить не много, чтобы не утомлять гостей.

С Ботанической улицы я съехал, сошелся жить с женой.

Мои костюмы стоили по четыреста долларов. Я стал наблюдать за собой со стороны: психологически я сильно, по сравнению с двумя годами ранее, воспринул духом. Я купил трехлетку БМВ. Мы с женой могли теперь путешествовать, как мечтали. Мечты сильнее желаний: мечты зарождаются в верхотуре небесной, – оттуда же, как известно, как и с синих гор, все видно. Видно, где жить стало веселее, жить стало лучше.

На работе я любил прогуливаться мимо портретов. Это была портретная галерея. На каждом портрете человек-корреспондент выглядел индивидуально. Самые важные портреты висели возле двери, за которой была комната главного редактора: милой – очень милой дамы. Мне тоже понадобился портрет. Я работал над имиджем. В то время мне нравился гламур. Я решил, что стану выглядеть гламурно: я купил гитару и выучил «Утро туманное». Глупо было фотографироваться с гитарой, но я и не думал. Я думал, что надену свитер с рукавами и особенно вытянутыми рукавами на локтях. Я постригся. В профиль у меня сжался, как у безвольного, подбородок. Я сказал – не в профиль! И меня сняли анфас. Я даже шевелил губами, чтобы выглядеть естественней; я подносил руки к лицу и отворачивал пальцы так, чтобы не было видно обгрызенного до мяса ногтя. Получилось сорок фотографий. Мне стало стыдно, что на фото я был смешон и вовсе не гламурен. И еще оттого было неловко, что я на самом деле не представлял себе, как выглядит гламур и гламурный человек.

Мне доставляло удовольствие быть самокритичным.

Я умел посмеяться над собой.

Фотографии-пробники я уничтожил, сказал фотографу, что снимемся в другой раз.

И уехал в Чечню.

Был у меня один снимок: я – внутри бэтера; было очень холодно, было страшно – мое лицо выражало все мои чувства. На мне была каска. Каску я сохранил, привез домой и кинул на балкон; теперь каска валялась на балконе в квартире моей жены на юго-востоке столицы.

Когда человек бросает пить, то ему необходимо придумать себе идею.

Идея Макара Шамаева о язычестве меня с первого раза не вдохновила – крестик на груди как-то надежней все-таки, привычней, что ли. Но с Макаром я не вступал в конфронтации, но старался слушать – и улавливал разумные зерна. Как-то мне было не до язычества: мне почему-то казалось, что телекарьера моя пошла на убыль – репортажей стало меньше, мне нужно было совершить средний… нет, не средний, а значительный подвиг, значительный даже по сравнению с тем, как я спас Сашку.

У меня было много свободного времени в командировке на выборах Преемника, и я додумал-таки себе идею. Я стал писать, вернее, продолжил.

Солдат Буча мне не звонил, я не звонил Буче. Мы не виделись с ним больше ни разу. Я писал по памяти. Эмоциональность моя мешала мне писать трезво, холодно. Оттого и получилось с первого раза как-то вяло: «Броня у бэтера теплая...» Первый вариант «Бучи» я почти дописал. И не смог закончить – не было сюжета, не было концовки. Я не смел придумывать: я считал неуместным художественный вымысел, и поэтому получилось неинтересно. Макар Шамаев при встречах упрекал меня, что моя писанина будет никому не интересной, что плавать всем на солдатские судьбы. «Кому пишешь, пидорам этим? Все вы, лишь бы ничего не делать, а мне ковать в три смены!» Конечно, я раздражался и в глубине души понимал, кого под «пидорами» имеет в виду мой друг кузнец. Я тоже был против коррупции в эшелонах власти. Но я старался не тратить время на непродуктивную критику. Еще меня беспокоило то, что я нигде не учился литературному делу, и в душе всегда задавал себе вопрос – а в чем же, собственно, цель искусства?

Я не стер написанное, но доблестно стал переписывать заново.

На выборах Преемника я переписал почти половину.

И вот тогда-то я вспомнил про дневник.

Дневником я называл зеленую тетрадку, переданную мне подполковником Макогоновым. Я долго не смел заглянуть в дневник. Это было для меня – как распечатать сургуч «Совсекретно». Готов ли я? Да, боже мой, мало найдется героев в нынешнем времени, чтобы так вольно и беззаботно рыться под грифом «СС».

Но я заглянул.

Был удивлен.

Был разочарован!..

Как я наивен был, полагая, что офицер разведки станет писать дневник. Как бы посмеялись надо мною военные и другие осведомленные лица, если бы я, хвастаясь перед ними, потрясал бы в руках дневником. «Раскрой, дурила, – сказали бы военные, – и вчитайся!»

Я вчитался.

И вот в день, когда мой сюжет о выборах и Преемника не пошел в эфир, я «вскрыл сургуч» и стал читать. Читать Макогонова было невмоготу. Чертыхаясь и проклиная макогоновские синтаксис и пунктуацию, я перенабрал рукопись в ноутбук. Сократил много.

Вторую половину ночи я читал Дневник. И близко знакомился с подполковником Макогоновым.

Дневник полковника Макогонова

Придя служить на должность начальника разведки, я увидел сразу, что комендантский разведвзвод на самом деле – сброд «бланных и нищих». Понятие о разведке было у единиц.

Я с детства мечтал стать военным. Меня назвали Василием в честь деда. В сорок первом дед возил комдива. Когда немцы под Белостоком дали нашим копоти, дед отбылся от своей дивизии и в городе подсадил чужого майора. Знакомый боец говорил: «Васька, не бери, ненашенский майор, ведет себя странно». Не послушал дед. Поехали они. На опушке леса видят – немцы! Майор ему: «Давай прямо к немцам!» У деда под сиденьем ствол лежал. Он того майора-диверсанта и хлопнул. Машину загнал в лес, поджег, а сам сделал ноги. Все равно его немцы повязали. Семь раз он бежал из плена. Потом наши отправили его в штрафбат. Искупил кровью. В дедовской красноармейской книжке было написано: «участие в ВОВ с 22 июня по 16 июля 1941 года». А присягу дед принял уже после войны, хотя и имел два ордена Славы.

Когда я окончил школу, работал грузчиком, помощником пекаря, после выучился на водителя и стал работать на самосвале. Однажды перед самым призывом заехал в военкомат. Военком увидел шпалы, наваленные в кузове, и сказал: «Пригони мне самосвал шпал, сде-

лаю отсрочку от армии». Я ему ответил прямо: «В армию со своим призывом – это раз! Два – иду в ВДВ, в Афган! Тогда шапалы будут». Согласие было достигнуто, и вечером я пригнал машину шапал.

На следующий день военком встретился с моей матерью и все ей рассказал. Мать «встала на дыбы» и, чтобы уладить дело, в свою очередь, выписала для военкомата самосвал извести с завода. Так я поехал служить в Германию.

В училище я поступил из войск. Я старался учить все, что должен знать офицер-десантник. Уже лейтенантом стал изучать опыт армий мира. Проанализировав, понял, что самая лучшая армия была у немцев, а войска СС тренировались по ленинскому принципу: «Учиться военному делу настоящим образом». У нас в частях, где солдаты вместо огневой подготовки копали траншеи, такие плакаты везде висели.

Но немцев погубила ненависть к людям и к русским в том числе. Как известно, русский дух самый сильный. И это знают все! СС была совершенной машиной зла, и мы, русские, ее уничтожили! Но самое главное, что я усвоил из опыта войск СС, это девиз: «Храбрость солдата – прямое следствие его подготовки».

...И началась работа со взводом. По ночам мы стали выезжать в город: устраивали засады, вели поиск. Днем тренировались в развалинах завода Красный Молот.

Сержант Тимоха – это человек-злед. За ним нужен был глаз да глаз. Он вечно шнырял по комендатуре: все вынюхивал, потом мне докладывал, кто какие косяки допускает в сторону разведки, чем дышит народ за воротами комендатурь. Тимоха имел боевой опыт, авторитет, был физически вынослив. Я его сделал командиром отделения. Такой человек в подразделении был, несомненно, нужен. Но он мог стать опасным, – если упустить его, и он перестал бы «чувствовать запах носков хозяина».

Решением взвода была заведена общаковая касса, куда откладывались деньги с каждой зарплаты. Я ввел систему штрафов. Первый раз попался на пьянике – пять тысяч рублей, второй раз – десять. Если кто отказывался платить, я увольнял беспощадно. Пьянки прекратились, и впоследствии это был страшный залет. За оружие я тоже карал беспощадно. Грязный автомат – штраф две тысячи, нечищенный канал ствола – пятьсот рублей. Провеврят оружие каждый день. Разгильдяи страдали по-черному. Зато в кассе всегда были деньги. На кассе «сидел» Тимоха и отчитывался за каждую потраченную копейку.

...По опыту национальных батальонов СС и частей специального назначения «Бранденбург-800», в котором служили и лица кавказской национальности в том числе, можно было сделать следующие выводы. Наибольшую боеспособность демонстрировали прибалты. «Мусимы» и «западэйцы» боевой ценности не представляли. От русских же можно было ожидать чего угодно: от редкого упорства в бою, до бунта против своих хозяев.

Из собственного опыта я сделал выводы: полезными в разведке оказались калмыки, башкиры, мордва. Они хладнокровны. Кавказцы – плохие разведчики. У них есть один большой недостаток – они любят понтovаться и рисоваться. Татары и евреи – это первейшие мародеры.

Со временем я научился правильно использовать национальные особенности бойцов, в том числе и русскую упрямость; успевал вовремя вскрывать и убирать случайных людей.

...Наш рабочий поселок находился на окраине шахтерского городка в Казахстане. В центре – завод железобетонных конструкций, вокруг всего четыре улицы. Большая шумная деревня. Бараки строили еще пленные японцы и немцы. Когда кто в поселке приходил из армии, все бежали смотреть на солдата. Солдат обязательно показывал, что он умеет делать на перекладине, рассказывал всякие небылицы про армию. Особый фурор производили те, кто служили в ВДВ, а первый «афганец» вообще стал кумиром поселковой молодежи.

Начитавшись всяких книг о военной истории, про армии и вооружение, я начал разыгрывать сражения у себя дома на полу. Всю технику лепил из пластилина по картинкам. Сра-

жения затягивались на целый день, пока родители и старшая сестра были на работе. Война начиналась с нападения на Польшу и Францию. Иногда приходил мой друг, казах Ермек, и тогда проигрыши заканчивались ссорами и слезами. Летом мы шли за поселок и на отвалах песка играли в войну. Войны затягивались на несколько дней. Особенно яростными были морские бои. Слепить из глины хороший корабль типа линкора «Ямато» было довольно трудно, а авианосец «Нимиц» – искусством! Неточные копии делать не разрешалось. Мы неделями готовились к войнам. Потом за два-три дня эскадры превращались в горы песка и обломки глины.

В школе я был разгильдяем, потому и решил поступать в училище из войск. На срочной службе мне выдали ЗИЛ, и проехал я на нем от Одера до Эльбы. И там, в войсках, я увидел, что в армии творится что-то неладное в плане боевой подготовки. Вместо того чтобы стрелять и бегать, заниматься тактикой, мы строили бордюры и мыли одеялами плац. Мне показалось, что, став офицером, я смогу многое изменить.

На всех курсах нашего училища десантные взводы были опорами комбатов. Подъем на тридцать минут раньше, физзарядка проводилась отдельно, даже свой спортзал был у десантников. Начальник воздушно-десантной службы училища полковник Васильев драл нас нещадно; он и вдохнул в нас тот настоящий маргеловский дух. А кто из десантников не знал командующего Василия Филлиповича Маргелова, отца ВДВ?! Наша аббревиатура так и расшифровывалась: Войска Дяди Васи – ВДВ!

Маргелов еще тот был вояка! Он в Финскую войну со своей разведротой покромсал тыловой батальон финнов за то, что они вырезали наш госпиталь: тогда на линии фронта появилось негласное правило – тылы не трогать. Когда разделили между нами и немцами Западную Украину, заехал дядя Вася на броневике с тремя бойцами в один самостоятельный городок и прямиком к ратуше. А там бургомистр народу говорит: «У порога коммунисты, нужно собирать полк самообороны». Тут Маргелов ему ППД в пузо: «В километре от города стоит танковая дивизия. Только дернитесь, дадим залп по ратуше!» И сдался город без боя. Дивизия же на самом деле еще находилась на марше. Маргелов уже в кабачке пиво пьет, да вот беда – зубы у него болели. Он лицо тряпочкой перевязал. Тут рядом два «западэнца» кривятся на них: «Во, русины с какими мордами сидят!» И смеяться давай. Маргелов – маузер из кобуры, и баx-бах в люстру. Люстра шлеп на головы насмешников. Маргелов с товарищами давай их пинать. Когда пришла дивизия, бургомистр, тот самый, нажаловался командованию. Маргелова, вместо Звезды Героя и досрочного звания, посадили на губу.

Он же был простой мужик, сын шахтера из Белоруссии.

Это при Маргелове американцы интересовались в первую очередь, где находится командающий ВДВ, а уж потом министр обороны.

...Не выдержав значительных физических и моральных нагрузок, из десантных отделений уволилась почти половина курсантов. Остались самые упрямые. В конце концов я и мои товарищи в совершенстве овладели способами минирования, разминирования, научились рассчитывать и подрывать мосты, здания, корабли, железные дороги. Наша подготовка позволяла нам служить в любом роде войск.

Я вспоминаю своих училищных преподавателей: мастеров подрывного дела, топографов: полковника Гридуниова, полковника Канащевича. Они говорили: «В бою, товарищи курсанты, мелочей не бывает. Упустил что-то, тут тебя противник и поймает. Но самое страшное – погибнут подчиненные вам люди – солдаты!» И мы снова и снова тогда, даже на последних курсах, ползали по полигону и искали – снимали и устанавливали в грязи эти чертовы мины. Ворчали про себя: «Зачем все это надо?» На улице моросил дождь, а преподаватель говорил: «Плохая погода – это союзник двух профессий: сапера и разведчика!»

Как-то на глаза мне попалась книга из специальной училищной библиотеки о способах минирования – инструкция для спецназа США. Там было много интересных вещей: как минировать предметы домашней утвари, машины, книги и т. д. Мой товарищ Дорофеев Витьяка

был любителем всяких подлянок, и мы решили подколоть нашего командира роты, «суперфютера» по прозвищу Зондер. Драл он нас по-уставному нещадно и правильно делал, это я уж потом понял, когда сам стал офицером, и у меня появился свой личный состав. Одним словом, взяли мы толстенный учебник общевоинских уставов: вырезали все внутри, сделали замыкатель, надпилили цоколь маленькой фонарной лампочки для воспламенения заряда, припаяли проводки. Зарядом послужила начинка от дымовой гранаты: мы ее смешали с порохом, и получилась смесь, которая моментально сгорала, превращаясь в едкий дым. Готовую «бомбу» мы подложили Зондеру в канцелярию на стол. Полдня он ходил мимо. Мы уже и сами забыли. Тут строят роту в казарме. И в этот момент раздается хлопок. Из двери канцелярии повалил сильный дымяра. Оттуда выскакивает дежурный, за ним Зондер. Я никогда больше не видел, чтобы сто двадцать человек лежали на полу и рожали в истерике. У Зондера была перепуганная морда вся в саже, галстук чуть-чуть подгорел.

Однажды мы брали хату с бандитами, но на адресе никого не оказалось. Я заминировал магнитофон. Через два дня пришло известие, что два бандита подорвались. Музыку хотели послушать.

Когда я вернулся домой с первой чеченской войны, я был горд оттого, что стал настоящим военным, потому что главное предназначение военных быть на войне. В военное время мы получаем от власти лицензию на уничтожение врагов нашего государства. В Чечне шла война, против нас воевали люди, они были врагами. Значит, мы, военные, поступали правильно, когда ликвидировали этих людей, которых называли бандитами и террористами. Когда же объявили всей стране, что война закончилась, мы стали работать тайно, с молчаливого согласия командования и власти, потому что лицензии у нас теперь не было, но противостояние продолжалось – шла контртеррористическая операция.

Отдавать захваченных подрывников чеченскому правосудию было даже смешно! Например, в грозненской прокуратуре работал некий Мага, мордатый такой, небольшого роста. С его помощью родственники выкупали своих сыновей и племянников, и они через некоторое время снова шли на Первомайку, на Маяковского, на проспект Победы. И взрывали саперов как баранов! Я всегда вспоминаю откровения молодого подрывника со Старого рынка. Ему на самом деле было семнадцать лет, а его жене пятнадцать. У него уже были нефтяной мини- завод, транспорт. На фугасах он хорошо поднялся. Когда мы его взяли, он пребывал в шоке, он знал чего ему ждать от нас. И жена его знала, но все равно просила пощады. Ее мы трогать не стали. Тимоха потом сожалел, говорил, что ее надо было тоже... за наших. Я тогда сказал всем: «Запомните! Мы не воюем с женщинами и детьми. Мы – русские солдаты. Наша задача здесь и сейчас уничтожать террористов и бандитов. Эта чеченка и ее ребенок не виноваты, что их муж и отец зарабатывал деньги таким способом – убивал других людей!» Я смотрел тогда на нее и думал, и мне было жаль ее. Но строить свое счастье на смерти других никому не позволено. Солдаты были для этой чеченской семьи, как скотина, которую нужно убить, чтобы вкусно поесть. Этот «зверек», оказывается, взрывал ленинских саперов на Первомайке. Он был жидковат и на допросе сразу раскололся и много чего рассказал, что потом нам пригодилось. Сначала мои хотели его повесить возле школы прямо на Первомайке, где он ставил свои фугасы, и табличку прикрепить на грудь «Подрывник». Но опера побоялись ненужной засветки, шума. Тогда Савва предложил отрезать ему голову. У разведчиков были друзья среди саперов, и так же те, кто погиб на Первомайке. Позвали саперов смотреть. Резал его Савва. Потом голову бросили в Октябрьском районе, а тело подкинули под нос чеченским ментам на Старых Промыслах.

Я думал, что больше никогда не буду свидетелем подобного, но жизнь распорядилась по-другому.

Первый чеченец, которого я узнал в своей жизни, жил в нашем поселке. Дядя Ваня Хаджиев был женат на подруге моей матери. Его родители умерли в ссылке в Казахстане.

Однажды он решил поехать на родину. Поехал вместе с женой. Добравшись до родового села, он оставил жену на окраине и пошел к родственникам. Оказалось, что он происходил из очень знатного тейпа, и ему уже приготовили невесту. Ему пришлоось убегать оттуда, прихватив в охапку чемоданы и русскую жену. Его даже в дом не пустили, узнав, что он женат на русской.

В начале девяностых я служил в Фергане. Тогда еще существовал Советский Союз. И вот в мою часть, в которой служили раные парни из России, – в ВДВ производили серьезный отбор, – стали поступать кишлачные узбеки. Десантная рота состояла на девяносто восемь процентов из бабайских сынков, которые по-русски почти не говорили. В то время в Узбекистане и на Востоке вообще набирало силу вахабитское движение, исламский фундаментализм поднимал голову. Тогда я засучил рукава и взялся поднимать боевую и политическую подготовку моей роты. Через год мои кишлачные бабаи на вопрос: «Кто ваши враги?» хором отвечали: «Фундаменталисты!» Песню они пели: «Россия, любимая моя! Края родные, березки, тополя!» В батальоне моих солдат не обижали. Если чужой дембель обижал моего бойца, вечером тот дембель был казнен ударом в челюсть.

Контртеррористическая операция в Чечне, в которой мы все принимали непосредственное участие, была нужна для того, чтобы остановить движение фундаменталистов – вахабитов, являющихся не проповедниками настоящего ислама, а только членами милитаристской секты, которую сами же мусульмане не признавали и отвергали.

В Грозном боевики стали действовать малыми группами: вели минную войну и по ночам обстреливали блокпосты. На блокпостах служили командированные менты, которые не были обучены вести войну «по-солдатски». Они боялись высаживать носы из укрытий; лишь самые отчаянные, служившие срочную в ВДВ или разведке, шарились по ночам в городе.

Вооруженные чеченцы из ВОХРа, охранявшие больницу Красного Креста в Грозном, были бывшими боевиками. По ночам они обстреливали блокпост номер десять. Менты в ответ стрелять не могли, потому что в Красном Кресте работали врачи из Польши. Ночью мои бойцы подкрались к забору больницы, заглянули внутрь и увидели там охранников у костра. Охранники громко смеялись и рассказывали друг другу, как обстреливают тупых и трусливых федералов. Они говорили по-русски. На земле у их ног стояла бутылка водки. По команде бойцы забросали их гранатами. Потом Тимоха выстрелил из гранатомета. На следующий день в комендатуру пришли жаловаться поляки. Комендант сделал круглые глаза и предложил выделить своих бойцов для охраны. Поляки отказались, потому что у них у самих было руло в пушку – в этой больнице лечили раненых боевиков. После этого случая обстрелы десятого блокпоста прекратились. Но чаще всех обстреливали четырнадцатый блокпост у моста через Сунжу на проспекте Победы. Стреляли от центрального рынка. Источник сообщил нам, что там работали охранниками подозрительные типы. Мы стали регулярно забрасывать их гранатами, ставили мины-растяжки.

Мы поняли, что бандиты понимают только правила беспредела, и начали их душить.

Однажды я увидел у коменданта на столе книгу Л.Н. Толстого «Война и мир». Я удивился, что есть время у коменданта читать, да еще такую серьезную литературу. Я взял книгу и стал читать, и там я вычитал интересную мысль:

«Не только гения и каких-нибудь качеств особенных не нужно хорошему полководцу, но напротив, ему нужно отсутствие самых лучших высших, человеческих качеств – любви, поэзии, нежности, философского пытливого сомнения. Он должен быть ограничен, твердо уверен в том, что то, что он делает, очень важно (иначе у него не достанет терпения), и тогда только он будет храбрый полководец».

Я не согласился тогда со Львом Николаевичем Толстым.

Криминальная милиция, ОМОН и ФСБ предпочитали работать с нами. Чтобы им получить разрешение на работу, нужно было пройти кучу инстанций. И информация часто уходила. Мы отрабатывали каждую вводную: иногда за ночь успевали проверить два адреса от

ментов, два от ФСБ. Если адреса оказывались пустыми, мы их минировали, и это тоже давало свои результаты.

К операциям мы готовились следующим образом. Приходили опера. В моем кабинете раскладывали карту, определялись с адресами, которые нужно проверить. После этого командиры штурмовых групп и опера адреса «обкатывали», рисовали схемы штурма.

Хочу сразу сказать о сержантах. Сержантов я воспитывал лично. Это должны были быть сильные, волевые, уважаемые среди солдат люди. Я поселил сержантов отдельно от личного состава, но и драл их нещадно за мельчайшие провинности их подчиненных. Но делал этот так, чтобы остальные не видели. Сержанты, в свою очередь, разбирались с нарушителями воинской дисциплины, залетчиками. И порядок во взводе был почти идеальный! Наши горе-генералы не понимают, что армия и дисциплина в ней начинаются с сержанта. Сделайте сержанта реальным командиром: дайте ему власть, дерите с него три шкуры, и не будет тогда «дедовщины» и беспредела в армии.

Сержант Усков с позывным Лиса был замечательным младшим командиром. Был он замечателен тем, что имел идеальную для сержанта черту характера – «вереять» по разному поводу. Вздрюкнешь Ускова, он пойдет во взвод и так разгоняется, как будто война началась. Все нервы истреплет. Зато все во взводе начнут шуршать и суетиться. Порядок и закон восторжествуют.

Итак, дальше – о подготовке к мероприятиям. Сержанты Тимоха и Лиса смотрели со стороны, снимали «адрес» на видео. После этого взвод собирался в тактическом классе; если работали с ФСБ, СОБРом, приглашали их командиров. На школьной доске, которую нам любезно предоставил директор одной из школ нашего района, мы оттачивали порядок захвата, организовывали взаимодействие при штурме, порядок отхода. После чего задавались вопросы и устраивались неясности. Бывало так, что во время постановки задач кто-то из моих солдат позволял вставлять себе реплики, тогда я бросал в шутника мелом, а после мероприятия наказывал штрафом в общаковую кассу.

Иногда взять квартиру с ходу было невозможно, там сидели вооруженные «зверьки». Тогда гранатометчики вгоняли в окна термобарические заряды.

Иногда я брал с собой журналистов. Я считаю, что журналисты на войне нужны и нужны для работы спецподразделений и спецслужб. Журналист – объект стратегический, его нужно использовать умно. Журналистов удобно и необходимо использовать «вслепую». Им нужна информация, – я давал им информацию, но не ту, какую хотели они, а ту, которая была полезна мне. Всем было хорошо. Корреспонденты делали репортажи. Я делал работу.

Паша Аликбаров, Тимоха и взводный-еврей – водитель Лодочник-Маркман, были главные по добыче всяких полезных вещей во взвод: инструменты, запчасти для машин, продукты, теплые вещи дляочных выходов. Так просто ничего нам не доставалось. Калмык Савва считался хорошим солдатом, но был слабохарактерным человеком. Он был как ребенок. Им нужно было руководить и объяснять самые простые вещи: например, что полезно чистить зубы по утрам или что на построение нельзя опаздывать, если дана команда всему взводу. Савва был анархистом, но в то же время был идеальным солдатом. Он обладал лисьим нюхом; и все знали: если Савва пошел первым, можно быть спокойным – он ничего и никого не пропустит. Савва воевал в первую и вторую чеченские кампании. Савва на гражданке себя так и не нашел. Уже через две недели отпуска, вместо положенных сорока пяти дней, он возвращался в комендатуру и лыбился как дурак. Все смеялись над Саввой, называли его узкоглазой макакой. Но он не обижался.

Сержант Мельник – замкомвзвода. Феноменальный боец, рукопашник, чемпион своего города. Он из семьи потомственных военных. Один его дед, двоюродный родственник, воевал против советской власти в армии Степана Бандеры, зато другой, близкий – отец его матери, был разведчиком в Красной армии, войну закончил в Берлине, имел много наград. Мне кажется,

что Мельник перенял в свой характер главную черту своих предков – доблесть. Когда однажды штурмовали очередную квартиру, Мельнику глушануло, но не насмерть. Мельник в штурмовой группе шел всегда первым.

Смоленская смена ментов на блокпостах прозвали бойцов моего разведвзвода «ночными феями». Нас знали в лицо, обожгали, потому что, кроме нас, ночью никто на помощь не придет. Со временем весь Ленинский район, а потом и город оказались под нашим контролем, взаимодействие с ментами было отличное.

Перед выходом я проводил политинформации – заводил кассеты с казнями русских солдат. Старался выбирать и показывать те записи, на которых солдаты просили бандитов о пощаде: «Дяденьки, не убивайте!» Некоторые разведчики плакали. Зато после таких политинформаций не надо было объяснять бойцам, как вести себя с террористами. Я специально давал читать солдатам дудаевские националистические брошюры, где писалось, что всех русских надо отправить на Новую Землю, а те, которые останутся, будут рабами.

При проведении одного спецмероприятия у бойца дрогнула рука. Он должен был застрелить спящих бандитов, но по причине слабости духа не сделал этого. Тогда мне пришлось оставить свой сектор наблюдения и сделать за него то, что необходимо было сделать. И тут же с другой стороны я получил пять пуль в обе руки, бедро и ягодицу. Помог стрелковый опыт: с двух очередей я уложил обоих боевиков, хотя сам тоже был ранен. Вернувшись из госпиталя, я построил взвод и сказал: «Слабым и малодушным во взводе не место. Идет война. И вы должны уметь убивать, иначе убьют вас или погибнут ваши товарищи».

Боевики дураки! Они думали, что кассеты с казнями напугают русских. Эти кассеты могли напугать кого угодно – англичан, американцев, французов. Но не русских! Я крутил трофеинные записи, а бойцы их переписывали и везли на дембель домой, чтобы показать всем, что такая кавказская война. Ненависть была страшной! Но я учил своих бойцов, что днем нужно улыбаться врагу, обниматься с врагом, клясться в вечной дружбе, а ночью приходить и резать бандюков без жалости и сострадания. Тогда же во взводе появился новый лозунг: «Разведчик – это не профессия. Это – нация!»

На Кавказе доброта считается слабостью.

Однажды в микрорайоне мы брали «связника». Он воевал с Басаевым и до последнего времени продолжал сотрудничать с сепаратистами. Этот человек преподавал в одном из восстановленных чеченских вузов. Когда во время второй войны он вместе с Басаевым выходил из города через Алхан-Калу, им пришлось идти по минному полю. В память об этом дне у него не было ступни. В доме у «преподавателя» мы нашли блокнот со стихами. Он назвал их «Минное поле», а мы, прочитав, – «ПЕСНЕЙ РУССКИМ САПЕРАМ!» Вот они, эти стихи:

*Воины уходят из города
В промозглую зимнюю ночь,
Но, не почувствовав холода,
Из сердца Чечни выйдут прочь.*

*Уставшие мрачные лица
На всем протяжении пути,
В глазах их обида таится,
Подмоги нигде не найти.*

*Никто не поможет чеченцам.
Свобода наши дух. Бог судья.
И вновь прочитаешь на лицах,
Волку не подруга свинья...*

*Вперед уходили эмиры,
Молитвы звучали в сердцах.
Без страха они ступали на мины
Пропал обезумевший страх.*

*Повсюду взрывались те мины,
И красным стал снег в этот час,
Но мало крови неверным кафирам,
Их разума голос угас.*

*Как град полетели снаряды на поле
С бездомной ночной высоты.
Горела земля, и крови было много.
В бессмертие уходят бойцы.*

*Как псы, обезумев от крови,
Гяуры на поле пришли.
Шахиды лежали, не чувствуя боли,
Им рая чудились сады.*

*И высшего рая врата отворились.
Аллаха любимцы идут.
И чаши от фруктов ломились,
Что гурии им поднесут.*

После того как я прочитал эти стихи, я воскликнул: «СЛАВА РУССКИМ ИНЖЕНЕРНЫМ ВОЙСКАМ!» Младший брат этого «поэта» ставил фугасы в Старопромысловском районе. Когда мы его брали, он прятался во втором дне чердака. Мы его поэтому не нашли. Так дом и взорвали вместе с ним.

Во всех западных инструкциях по борьбе с повстанцами написано: «Война с партизанами не имеет правил». Это значит, что нельзя быть хорошим, добренъким там, где местное население поддерживает врага. Чтобы выиграть эту войну, нужно быть сильным и беспощадным!

Основное население Чечни – крестьяне из горных сел и селений. Разведчик должен помнить: чеченцы не так просты, как кажутся. Они свободолюбивы, трудноуправляемы, хитры и изворотливы. Первой задача чеченца – выжить при любом режиме. Для них крайне важны родственные связи. Против этого чеченец никогда не пойдет: в селе все помнят, ничего не забывают и не прощают предательства. Чеченцы наблюдательны от природы: обладают способностью сопоставлять факты и анализировать, и почти мгновенно просчитывают ситуацию. На допросах очень артистичны. С честнейшим, искреннейшим видом бьет себя в грудь: «Мамой клянусь, я честный человек! Не убивал, не участвовал, только патроны подносил. Заставили боевики. Раненых помогал выносить и ваших в том числе. Не помню большие ничего». ТАКОГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ! Память у чеченцев феноменальная, и в любом случае подозреваемый располагает информацией, представляющей оперативный интерес. Только после применения «специальных методов» начинает говорить. Нельзя играть с чеченцами в психологические игры, особенно если инициатива исходит от них. Переиграть их невозможно, но как ни парадоксально, можно обмануть самым примитивным образом – пообещать, что он останется жить. Самое слабое место чеченцев – страх. Именно страх перед равнодушной

жестокостью – удары во время допроса, тычки ножом, горящей сигаретой, переломы конечностей – делает любого, даже самого крутого боевика сговорчивым. Сознание чеченца разрушает страх перед реальной силой – непреклонной и бескомпромиссной. Чем больше энергичного гонора у чеченца снаружи, тем больше животного парализующего страха внутри.

Повоевать горцы не прочь, но ни в коем случае с превосходящим их по численности, умным и сильным врагом. А уж пограбить, как здрасте.

Много было среди боевиков таких, которых затащили по принципу: «Кто не с нами, тот против нас!» Весь крестьянский сброд, из которого на девяносто процентов состояли банды, не любил подчиняться: нужно было организовывать и управлять ими, их настроениями. Это делали профессиональные террористы, которые и создавали вокруг себя бандитские структуры. Вахабитское движение всегда стремилось иметь контроль над населением и их настроениями. И если вдруг настроение у крестьян менялось, то его тут же корректировали в нужное русло.

В ЭТОЙ ВОЙНЕ ВЫИГРАЕТ ТОТ, НА ЧЬЕЙ СТОРОНЕ БУДЕТ НАРОД!

Чеченцы жадны от природы и, определяясь в текущем моменте, они ради собственной выгоды не прочь были посотрудничать с федералами. Властям помогают недовольные и обиженные, также из чувства мести, зависти. Однажды в районе Олимпийского к нам пришел местный житель и стал жаловаться. Оказывается, пока он ездил в город на заработки, его жену пользовал боевик. Жена-то особенно не сопротивлялась. Этот мужик того боевика и сдал с потрохами. Нам тогда жирный «зверек» попался. Или, например, у одного селянина был русский раб, он держал его в яме, а его сосед позавидовал, что у него нет раба, – пришел в комендатуру и застучал.

Все местные жители, работающие на федералов, обязательно передавали информацию вахабитам, боевикам. Иначе бы их просто ликвидировали, как мунафиков.

Рядовой Гена Плаха из Моздока вполне соответствовал своему прозвищу. Сказывается жизнь на Кавказе, очень жесток, хладнокровен. Не пил, не курил. Любил собак. Идеальный солдат в бою и вообще на войне.

Цыган – грамотный солдат. Уволился. Как рассказывали его земляки-сибиряки, в драке убил ножом четверых кавказцев. Подался после этого в бега. Жаль было терять таких бойцов.

Это почти все, что я перевел с языка подполковника Макогонова. Только не смейте и думать, что «все» было написано точь-в-точь, как я перевел. Однако это никому не дает права считать, что ничего или почти ничего не было – сюжета с завязкой, кульминацией и эпилогом. Было – было в самой жизни.

Но как писать об этом?

Страшно – вот как.

Но кто заметит мне, будто и не происходило вокруг нас ничего особенного, я не соглашусь с тем человеком. Тот человек неверно информирован; многие были неверно информированы. Мне кажется, поэтому случилось в тот период столько бед и трагедий.

Нынче же и я пересмотрел свое отношение к ситуации.

Моя телекомпания занимала активную позицию: первыми номерами в новостях шли сообщения от Первых лиц государства. Андрей Андреевич Твердиевич честно служил государству; мой коллега Лешка Дудников, корреспондент с Госканала, честно служил государству. Если бы был теперь и Гога Мартыновский, он бы тоже честно служил государству. Информационная война приняла форму контрудара – мы бились с мировым терроризмом в полную силу наших полномочий.

Все беды от неинформированности.

Или от многих знаний.

Один черт!..

Итак, сегодня прошел еще один день моей журналистской карьеры. Я не хочу описывать больше день ушедшего. Я думаю о «Буче». «Буча» теперь пишется. Герои прижились в «Буче». Они уйдут, когда придет каждому время, срок уходить. Я тешу себя надеждами, что когда-нибудь кому-нибудь жизнеописание солдата Бучи и его товарищей станет интересным.

Я еще позволяю себе быть наивным мечтателем.

Теперь у меня есть еще и Дневник.

Я о многом, что свершилось, не был информирован. Я многого не знал.

Годы прошли, и эти годы были полны событиями – трагедиями, трагикомедиями и счастливыми исходами действ.

Поверьте, все просто было.

Часть первая. В городе...

*Не может называться разбоем служение Отечеству.
Денис Давыдов, герой войны 1812 г.*

Глава первая

Где-то в середине весны две тысячи второго случилось Андрюхе Карамзину подорваться на «сто пятьдесят втором» фугасе.

Смертельная это штука, «сто пятьдесят второй» фугас – артиллерийский стапятидесятидвукиллиметровый снаряд. Любой грозненский сапер подтвердит – штука эта нам знакома, а человек тот, Андрюха, наверняка уже покойник.

Но Андрюха оказался необычайно удачливым солдатом. Не порвало и не раскидало по асфальту контрактника Карамзина, по прозвищу Старый, цапнуло его чугунным горячим осколком, цапнуло самым краешком по руке чуть выше локтя. Ну, этого Андрюхе и хватило: загорелось, запыхало во всем его теле, будто ливанули ему на локоть раскаленного масла с огненной сковородки. Во рту пересохло и ноги послабели.

Попал Старый в «мертвую зону». Подрывники неправильно рассчитали направленность взрыва: горячая волна метнулась в небо, осколки ушли верхом, лишь один дognал Старого. Закрутился Андрюха на месте как танцор, обернулся вокруг себя и затрясся всем телом. И повалился на бок. Когда едкий дым от взрыва рассеялся, Андрюха сидел на земле, прислонившись спиной к колесу бэтера. Ксюха, комендантская медсестра, крутила бинтом вокруг обколотой промедолом Андрюхиной руки. Чудно Андрюхе. Вроде как далеко он. И не Ксюха рядом, а жена его Ирка. «Да как же ты мог, такой-сякой, уехать из дома без моего разрешения? – ругается Ирка. – За деньгами на войну поехал? Да кому они нужны-то теперь деньги эти проклятущие? Вон, голову тебе оторвало, смотреть на тебя противно. И так смолоду дураком был, а теперь от тебя одно брюхо ненасытное осталось. И поговорить-то с тобой по-человечески не получится. Да убери ты свою руку!...»

– Руку. Не дергай рукой, говорю.

Андрюха очнулся. До неприличия близко увидел волнующие бугры Ксюхиной груди, в нос шибануло кисловатым женским потом.

Хоть была некрасива Ксюха – ряба и сзади неприглядна, – но Андрюха не отказался бы пристроить свой худой зад на белую медицинскую кушетку в комендантской санчасти. Может, и скучно глядеть на Ксюху, но, во-первых, других женщин в комендатуре по пальцам перечесть, а во-вторых, у Ксюхи всегда в заветном месте стоял флакон с медицинским спиртом. Ксюха для таких вот, как Андрюха Карамзин, ходоков берегла десяток заковыристых слов, а в довесок, если не понимали, пускала в ход неженские тяжеленные кулаки.

– Не маши рукой-то, кому говорю, – Ксюха широкой ладонью надавила Старому на здоровое плечо, сделала страшные глаза. – Чего вылупился? Сиди смирно теперь. Повезло тебе. Повезло, свезло... везло...

В голове Андрюхиной зашумело, загудели струны с переливами, и стал он проваливаться в черноту. От потерянной крови поклонило его в сон. Закинули Андрюху на броню; он почувствовал только, что сбоку придавливает его чем-то мягким и теплым; увидел здоровенный Ксюхин зад, обтянутый как барабан пятнистой тканью армейских штанов. В Северный госпиталь долетели минут за десять. Спустя некоторое время Андрюху Карамзина уже везли на высокой каталке в операционную. Порванную руку зашили. А через неделю Старого погрузили в вертолет и отправили долечиваться во Владикавказ.

Через месяц вернулся Старый в комендатуру «добивать» контракт.

Разъехался народ. Много новых людей появилось в комендатуре. Оставалось Старому служить пару недель: договориться с финчстью, чтобы выплатили ему причитающиеся оклады, деньги за ранение. Собирался домой понемногу. Ехать решил по гражданке и на такси.

Старый сидел во дворе комендатуры под каштаном и от скучи разговаривал сам с собой:

– Повезло, так повезло. Надо ж, родник забил. Не поверят, скажут, трепач. А и ведь забил родник самый настоящий. Знамение. Знак.

Стреляли в городе. Будто громыхнуло. Близко. Поежился Старый.

Час прошел.

Загудело. Открылись синие ворота, на комендантский двор вкатился БРДМ с разведкой. Старый оживился, – с разведкой он корешился; разведка для саперов – ангелы-хранители. Тимоха скакнул с брони. Отдуваясь, принял у Саввы тяжеленный мешок, шмякнул у ворот. С мешка сразу подмокло бурым на асфальте.

– Здорова, Старый.

– Здорова. Чего стреляли?

– Подрывника грохнули. Казак завалил его. Прокурорские приехали, а саперы уже этого «выстрелом» от РПГ.

– Порвало?

– Прокурорские сказали, что волокли это дермо в комендатуру.

Старый скривился:

– Дермом несет.

– Жирный был «зверек».

Разговорились. Старому неймется, хочется поделиться. Он выждал, когда народ раскурился, и стал рассказывать, местами аж в захлеб:

– И вот, браты, не поверите, иду на маршрут. И подходим мы к тому самому месту, где меня нахлобучило. Воронку вижу. Конечно, позаросло травой. И вот, браты, гляжу, мама дорогая, там родник, родничок забил. С того самого места, где был заложен фугас, плещет, булькает, озерцо набулькало.

Савва зубы скалит. Зубы у Саввы ровные, белые, глаза – нитки.

– Канализация, да.

Обиделся Старый – сделал вид, что обиделся:

– Не-ет. Точно, родник. Я воды черпнул и понюхал. Чистая.

– Водопровод прорвало, – сказал Тимоха.

Старый растерянно поводил белесыми глазами.

– Может, и водопроводная, но все равно родник, родничок. Знак. Знамение.

У штаба собирались офицеры, вышел комендант. Новый комендант матится через слово.

Взял себе новый комендант позывной Питон.

«Логично, – подумал Андрюха, – старый был Удав, новый Питон. Преемственность».

Савва чешет за ухом: уши у Саввы как у слона – огромные лопухи.

Тимоха краем глаза наблюдает за офицерами и комендантом. Там среди других и начальник разведки, подполковник Макогонов. Макогонов все видит: он не приветствует, что разведка общается в быту с саперами. Саперы, по Макогонову – все рвань и пьянь. У него в разведвзводе за пьянку гонят в шею без разговоров. Савва слабохарактерный. Савва не утерпит. И вон уже, видит Тимоха, шепчется жуликоватый калмык со Старым. Ясно ж, о чем шепчутся.

– Савва, макака ускоглазая, командир порвет, – шипит сквозь зубы Тимоха.

– Э, брат, только покурить. – И ржет.

Тимоха знает – Савва анашист. Но у него по глазам же не увидишь, курил он свою дурь или нет; глаза у Саввы – нитки. Но Савва – солдат. За это его и ценили, и до поры прощали все неуставные прохиндейства.

– Савва, шеф турнет со взвода, сопьешься, скурвишься.
– Э, брат.
Докурили.
– Бывай, Старый.
– Бывай, да.
– Бывайте, – сказал Старый. – А дермо? Куда ж его теперь?
Тимоха сверкнул золотой фиксой.

К лету площадь перед Ленинской комендатурой меняла облик: высохла грязь на «эмейке», бетонные блоки обмотали новой блестящей колючкой с лезвиями вместо обычных шипов; шлагбаумы красили в красно-белое. Кафешки, что натыканы были повсюду перед Ленинкой, еще в конце зимы перенесли все за шлагбаумы на неохраняемую территорию.

Старый, страдая теперь от безделья, вышел за синие ворота, заговорил было с ментами на посту. Но у ментов напрочь отсутствовало всякое настроение вести беседы: им еще месяц до смены – какие могут быть разговоры? Тоска. Тогда Старый потопал к вагончику Малики. Чеченка Малика держала кафешку сразу за первым КП, у которого вечно толпились люди, и машины выстраивались в очередь на проверку документов. Малика была бездетной «разведенкой». Родственники привозил товар – пиво, воды и мясо. С полгода назад Малику взорвали.

Старый устроился у окна.

Кафешку соорудили в строительном вагончике. Тут же за стенкой шкварчало и булькало: готовились манты, жижиг галнаш и бульон. Шашлык жарили на дворе. Двор был обустроен из досок и листов шифера. На дворе жила кошка с котятами. У Малики страшные шрамы на лице. Малика по-русски говорит сносно, почти без акцента.

– Андрюша, ай какой! Долг так и не отдал, – распрничалась Малика, принимая заказ, – три тысячи остался должен. Ваши уехали, сколько денег не отдали! Мы бедные, инфляция и все такое.

Старый – добряк. Ему стыдно стало. Он вынул из кармана деньги и отдал Малике. Малика – «разведенка», с ней можно пофлиртовать. Старый надул щеки и распушил кошачьи усы.

– Малика, дай я тебя поцелую.

– Ай, Андрюша, придется жениться тогда на мне. Мы тебе чик-чик сделаем. И станешь наш. – И снова о наболевшем: – Ай, сколько ваши денег не отдали.

До Нового года задолжали Малике ленинские саперы. Кто-то из взвода вернулся с отпуска и привез взводному Каргулову, как тот просил (для племянника), игрушечный джип на радиоуправлении. Взводный в то время лечился от контузий. Джип бросили в угол. И однажды джип разобрали на запчасти, вынули электронику. Соорудив взрывное устройство, потащили пакет с фугасом на площадь к Малике. Тысяч под тридцать денег задолжали. Оставили пакет у столика с грязной посудой. Когда отошли на безопасное расстояние, нажали кнопку на пультике от радиоуправляемого джипа. Бабахнуло. Обожженную Малику увезли в больницу. Прибегали журналисты, брали интервью у прокурорских. Прокурорские сказали, что разборки местных. После этого инцидента кафешки убрали за шлагбаум от греха.

Много чего еще узнал и увидел Старый за свой контракт: и как ноги отрывало, и как головы. И как плакали солдаты – рыдали и бились головами, да бестолку все было. Как стреляли солдаты по людям, а люди ненавистью стреляли в ответку. Обратно все возвращалось и тем, и тем. По-глупости, думал про себя Старый, попал он на контракт. Но не по глупости, а по беде! Беда, значит, что не нашел он дома в средней полосе и дальше к Уралу приличной работы, чтобы жить и не тужить. А не найдя, клюнул на рекламу военкоматовскую и, как водится, как случается в характере слабых доверчивых людей, отправился искать лиха и денег в даль от дома. Будто там – в дали лучше было.

Скопил он денег немного за свой контракт.

Людей не убивал Старый. Когда смотрел на мертвых, все воротило, тошило его.

Дурацкое это дело – ему было ехать на контракт.

Он-то понимал теперь и терзался.

Особенно понял, когда, очухавшись после операции, думал, что он на том свете, а медсестры вовсе и не медсестры, а ангелы. Или черти, которые до поры, пока его не выпишут из палаты, прикидываются ангелами. Когда же скажут ему: «Просим покинуть, будьте любезны на контракт далее!» – тогда станут они чертями, каковыми и были на самом деле. Старый до женского полу был устойчив, как сам думал. Был он мужичонкой неприглядным, и оттого шустрые прохиндейские женщины на него сразу внимания не обращали. А не обращая, глядели на него, Андрюху Карамзина, мужика тридцати семи лет, снисходительно.

Все и всем прощал Андрюха Старый. И даже, что его всегда отправляли за пивом и он всегда оставался крайним. Вот хоть и с Маликой. Попробовала бы она так сказать Тимохе или Макогонову. Хо-хо! Макогонову. Во, человечице! Боязнь, а не человечице! Боязнь для чужих. Малика – чужая. Все тут чужие. И они, солдаты, для всех тут чужие. Чужие чужим – чужие. Вообще-то он против был, чтобы Малику взрывали. Теперь она с обожженной рожей. Чеченка, «разведенка» – кому она нужна?

Наелся Старый и развалился, локтем подпер щеку, стал думать: вот ему ехать надо. Можно Тимоху спросить, можно еще кого-нибудь из комендантских. Народ мотается из Грозного и обратно. Конечно, можно на вертушке из Ханкалы до Моздока, но это день, два, а то и три терять. Знаем, плавали. Ханкала – пластилиновая страна.

«Надо бы спросить Малику про такси», – подумал Старый.

– Малика, – позвал Старый. Та подошла, руки обтерла тряпкой.

– Ай, Андрюша?

– Малика, такси бы мне. Заплачу, не обижу.

– Знаю, Андрюша, ты честный, – Малика сразу стала не чужой, как будто своей. – Такси, короче, есть. Мой сосед, а его брат хороший таксист. Он до войны, короче, был таксистом. Куда тебе надо будет ехать?

– До Минвод, – выдохнул Старый, – дней через десять. И сколько денег захотят? Я много не смогу.

– Ты честный, Андрюша. Правильно. Нужно к людям с душой.

– Ладно, Малика, – отчего-то занервничал Старый: «Тимоха наверняка присоветует дешевле и надежней. Да нет, не станет Малика подставляться». – Зайду как-нибудь. Ты покумекай. Сколько денег за пиво?

– Сто пятьдесят, короче, за все.

Старый отсчитал.

– На, двести. Оставь.

И пошел. Малика спрятала деньги и, выйдя за солдатом из вагончика, смотрела ему вслед обожженными глазами без ресниц. Под ногами крутилась кошка. Малика бросила кошке недоделенное со стола. Так постояла и вошла в кафе, прошла на кухню и стала замешивать тесто для мантов.

Стукнула дверь. Широкая тень заслонила проход.

– Здравствуй, дыдык хейла, Малика.

Женщина вздрогнула от этого голоса. Тяжелый голос, неприятный. В проходе стоял высокий чернявый парень в военной форме с автоматом. Он смотрел на Малику строго и властно, как смотрят на женщин мужчинам на Кавказе.

– Дыдык хейла, Жевлади.

– Не зови меня по имени, дура. Как меня зовут, знаешь?

– Знаю.

- Что хотел этот?
- Такси.
- Такси?

В расположении, где жили саперы, жарили мясо. Нажарили целую сковороду. Все сели к столу, застучали вилками, резали мясо ножами, рвали зубами. Позвали и Андрюху:

- Иди, Старый. Мясо. Свежатина.

Подумал Старый, что свежего мяса можно поесть, хоть и сырт уже. Стал класть куски в рот и жевать. Жевалось. Мягкое мясо было, прожарилось.

Молча едят, вдумчиво.

- Откуда продукт? – спросил Старый.

На него посмотрели. И дальше едят.

Один обтер рот и говорит:

- С того мешка взяли. Казак с ляжки срезал. От дерьма отмыли. Не пахнет?

Народ стал дружно отвечать:

- Не-а.

– Совсем и не воняет.

– Ароматное.

– А чего добру пропадать?

Как Старый повалился из-за стола, да как блеванул себе на ботинки, так сразу и заржал народ. Гоготали. Хлопали Старого по плечам, спине, еще мяса совали под нос. Воротит Старого. А и смешно тоже стало – эк его развели.

– Сволочи.

– Га-га-га!

– Го-го-го!

– С ля-ашки-и-и!

– Дураки, – кричит Андрюха, – зачем мешок приперли в комендатуру?

– Прокурорские сказали. Да выкинули уже. Ох, Старый. Прокурорские посмотрели и сказали – чего вы это дерьмо приволокли?

– Ха-ха. Ну, Старый, лошара. Собрался домой-то?

«Собрался, – подумал Андрюха. – Эх!.. Я ж забыл. Надо бы с ротным насчет денег пообщаться».

Новый ротный по фамилии Дубинский был человек.

До него ротным был Вася, тезка Макогонова. Вася был увалень. Васе все прощалось. Когда Жору с Тимуром рвануло на Первомайке, Вася и опростоволосился. Жорику ноги по яйца оторвало, Тимура тоже ничего себе нахлобучило. Вася с камеркой был, стал снимать на видео. Приехал комендант. Вечером в новостях показали кровищу на асфальте и коменданта Удава матерящегося смертным матом. Все на Васю – гад, продал кассету журналистам! Вася клялся, что не продавал, так отдал. Дурак, сказали, дурак, что не продал, а так отдал! Удав же пообещал сгноить дуракастого ротного. Когда пришел новый ротный, Вася никак не мог рассчитаться как матответственный: ходил, ныл, что его подставили. Но, в общем-то, Вася был не трус. Увалень, но не трус. Вася даже к «первым номерам» подходил на маршруте. «Первый номер» – смертник. Так всякий грозненский сапер скажет и не ошибется. Журналистам, когда они идут с саперами, говорят: от «первого номера» держитесь подальше. Если рванет, то в асфальт мордой, мордой. Еще и «вторые номера» – смертники. Многие из взвода Старого погибли – все «первые и вторые номера».

Лежал Старый в палатке, пальцами шевелил на ногах и думал о ротном, про свои деньги, что заработать заработал, но никак получить не мог. А еще о том, кто и как воюет, думал.

Бот, к примеру, не все воюют...

Одни парятся весь контракт в тылу в Ханкале: и офицеры, и разные солдаты. Там можно даже орден по легкому заработать. И вот, значит, считается, что столько-то народу было в Чечне. Его спросят – ты где воевал? Он, тот, – в Чечне! Уважуха. А никто не знает, что тот так себе воевал – сидел и делал серьезный вид, когда прилетали генералы из штабов. Он два года там просидел – два раза скатался с колонной в Грозный или Гудермес. И получил орден. Ну ладно. В Аргуне, например, кантовался человек. А кем? Тут другая заковырина: финансистом служил или зампотылом, или связистом, или минометчиком. Везде ж комендатуры. Комендатуры – это крепости; в крепости можно долго служить и не тужить, если не вылезать за ворота. Можно орден получить. Но не факт. Тем, кто в Ханкале не тужит, орден получить проще – ближе к кассе. Ну, ладно, топаем к разведке и саперам. Так где, где говоришь, кантовался – сапер из Ведено? В 119-ом полку под Хатунями? Или разведка шатойская? Или наша ленинская? Тут никто, конечно, не поймет сразу, что у сапера делов немного и все коротки: пройти от туда и до туда, а как пройдешь – водку в три горла жрать. А как же не жрать – если завтра вдруг не пройдешь и башку твою оторванную будут на место приделывать! Форменкой под подбородок прикроют, чтоб мать и жена и другая родня и дети не видали бы, как глотка твоя порвана осколками. Ни разведке, ни саперам орденов просто так не дают. Саперам, потому что их валят. Им не успевают давать. Разведка сама валит. Им не за что давать. Савву вон три раза представляли. Разве калмыку с такой хитрой рожей дадут «крест» за мужество?..

И пришел Старый к мысли, что на нынешней войне воюет на самом деле народу мало.
От таких мыслей и задремал.
К послеобеду Старого растолкали.

Заговорили в палатке о «боевых». Старый заскучал. Ему так бы хотелось получить свои деньги, которые он заработал на этой войне: за госпиталь, за ранение, за всякие фронтовые неудобства и страхи с опасностями. Но не так это было просто. Не понимал Старый, почему финансисты, «фины», говорят всегда, что денег нет. А вон офицерам дают. Семеныч-равист уезжал в отпуск, так ему все выплатили, почти все. Новый ротный Семенычу сказал тогда, что остальное, которое недодали, можно получить по какой-то хитрой схеме – только «придется процент отстегнуть».

Зачесалось в пятке, потом меж пальцев. Старый в тумбочку полез, вынул мыльницу. В мыльнице порошок желтоватый – толченый тротил. Он давай этим порошком натирать ноги меж пальцев – трет и кривится.

– Старый, запались. – Ефрейтор из новых, но уже послуживший с месяц, оттого борзый, говорит Старому: – Мишаня ваш, тот, который со скорпионом на плече, как летел домой, так его и приняли в аэропорту. Собака среагировала на его ноги.

– Средство.
– Чего?
– Средство от грибка, говорю, хорошее – тротил. На, попробуй.

– Запались, тебе ж домой скоро. Мишаню в камеру посадили как террориста, будто он хотел взорвать самолет. Он ментам долго объяснял, чего и где надо мазать этим гребанным тротилом. Могли и деньги отобрать, ведь все ж с деньгами едут.

– Мишаню кинуть, сноровка нужна. Крепкий пацан. Дать тротилу?
– Тыфу ты! С ним как с человеком, а он все рожи корчит.

Вздохнул Старый. Он у саперов – как Савва в разведке: на него шумнуть можно, он не обидится.

– Я на поезде поеду. Там собак нет.

Но как задумался Старый о деньгах, так и собрался идти искать ротного. Думал, что сумеет уговориться с ротным, и не останется он в дураках. И потопал через комендантский двор к штабу.

Ленинская комендатура – подразделение не для прогулок патрулей с красными повязками по городу, поимки «самоходчиков» и выдачи всяких справок, как в обычных городах. Это боевая тактическая группа с приданной ей техникой: автопарком, бронемашинами, зенитной установкой и минометной батареей двух калибров. Народу в комендатуре чуть меньше, чем батальон – человек под триста личного состава. Комендатура – крепость. Даже если и атака со всех сторон, сразу не возьмешь: мины понаставлены кругом; подходы пристреляны минометчиками, снайперами. На крыше штаба за мешками с песком пулеметчики, автоматчики дежурят сутками. Пулемет крупнокалиберный «Утес». Сильна была Ленинская комендатура. Но народ служил разный. Многих Старый в лицо только и знал: среди контрактников попадались такие, что сразу с контракта шли на тюремные нары; кто, спившийся в конец, вышвырнут был за ворота – и добирался до Большой земли как хочешь. Пьяным, как и дуракам, говорят, везло. О героизме как-то не принято было говорить – все больше молчали. Поминали. Еще слазить на себя боялись, – все ж суеверные, и верующие все, конечно, были.

Колонна, что вернулась из Ханкалы, вытянулась по двору. Мотались в группировку за боеприпасами, обмундированием. Узик комендантский ходил с колонной. У коменданта свои дела. Старому до его дел, как до синих гор, что можно было разглядеть в ясное утро. Горы Старый не любил – лес любил, реку любил. Рыбалить любил – так, чтобы развалиться на берегу и на поплавок поглядывать изредка, и пивко потягивать мелкими глотками.

Возле бензовоза – ротный Дубинский и зампотыл Василич.

Старый как их увидал, сразу просек – не лезть пока, уж больно у них вид заговорщицкий. Это не как Тимоха с Макогоновым. Разведка. У разведки вид не заговорщицкий, а такой, что лучше не попадать к ним. Вон, сдали залетчика с минометного взвода, тот и протрезвел враз, и тут же накатал рапорт на увольнение. Неделю после разведки лежал, ребра пока срастались.

Ротный Дубинский с Василем не отходят от бензовоза. Ухмыльнулся про себя Старый, решил обождать. Вот ротный рукой хлопнул об Василичеву руку и довольный, выпятив грудь с наградными планками, прямиком пошел на Старого. Одевался ротный по моде: носил американский камуфляж и фартовые с высокими шнурованными голенищами берцы.

– Товарищ майор, а, товарищ майор.

Ротный остановился, оценивающе глянул на солдата. Глуповато выглядит солдат.

– Ну?

– Тащ майор. – Старый делается весь подобострастным и в то же время хорохорится. – Домой ехать на днях, а денег «фины» не дают. А к кому еще как не к ротному?

– Денег? – задумчиво произнес ротный. – И много?

Лицо у Дубинского запыленное. Сух лицом. Тош фигурай, но жилист. Взгляд карих глаз жесток. Руками ротный не ищет: бросил одну плетью, другую в карман «американского» камуфляжа. Служил ротный в Афгане. Имел «Красную Звезду». Мало кто знал о его жизни: вроде кантовался на гражданке, как пришла новая война, снова пошел в офицеры. Поэтому, хоть и был ротный мужиком в годах, звание имел не по возрасту майорское.

Принялся Старый было пересказывать про госпиталь и «родничок». Но как-то торопился:

– И получается, тридцать дней, как с куста пролежал я в госпитале. А за госпиталь как за боевые выходы должны платить.

– Сколько? – спросил ротный.

Старый вынул из кармана бумажку, развернул и, покопавшись в цифрах, назвал сумму.

– Сразу все не получишь. С «финами» договорюсь за десять процентов. Остальное в Ростове по схеме.

Старый почесал затылок и согласился. Но про себя чертыхнул продажных «финов», а про майора плохого не подумал: если бы не ротный, ему пришлось бы возвращаться в Грозный через месяц. Да еще неизвестно, что тут произойдет за это время, – а то можно и встрять в исто-

рию по дороге. Или месяц тут просидеть в комендатуре, но в этом тоже есть свои недостатки: забухаешь – выгонят к чертовой матери. А не запьешь, так с тоски загнешься или от грибка исчешешься весь. Грибок – он от недвижения появляется – когда в пути, о ногах не думаешь.

Решил Старый, что отдаст и десять и двадцать даже процентов, лишь бы получить свои кровные и дунуть отсюда, мчаться во весь опор. И никогда больше не возвращаться сюда, в этот проклятый богом и людьми город. Он подумал, что надо дойти опять до Малики и переговорить с ней, но уже предметно, чтоб она нашла ему «недорогого» таксиста до Минеральных Вод.

Ягоды приснились Андрюхе. Интересно, думал Андрюха, к чему ягоды снятся красные, красные.

* * *

Макогонов ездил с комендантом в Ханкалу. Комендант с позывным Питон, сменивший на должности Колмогорова Удава, происходил по военной линии из разведчиков, а потому к Макогонову относился с уважением. Было у Питона две слабости – женщины и выпивка. Завел себе Питон подругу – длинноногую Юльку из канцелярии. Выпивал много, но лица никогда не терял новый комендант. Макогонов сначала сторонился начальства, страсть как не любил выпивох и бездельников. Но Питон занял верную позицию по отношению к разведке и в общем к ситуации: вскоре оказался для Макогонова человеком нужным и где-то даже незаменимым. Тонкостей много в военной науке, да еще, когда войны как таковой и не было, а контртеррористическая операция проходила под прессингом правозащитников и прочих международных бездельников, чья деятельность не то чтобы отдала день окончательной победы над вахабизмом, но предоставляла бандитам шансы уйти от возмездия.

На совещании у командующего Макогонов, как и другие, получил на руки документ. Макогонов, пока ехал обратно, изучил текст, но изучил не то, чтобы невнимательно, просто привык в дороге быть настороже. Когда же добрались до комендатуры, сразу направился к себе в расположение и, закрывшись в кабинете, предупредив дежурного, чтобы его не беспокоили, принялся вчитываться в сухие строчки оперативных донесений.

«По имеющейся информации, в Грозный из Веденского района Чечни для установления связи и координации действий бандформирований международного террориста Абу аль-Валида прибыл гражданин Турции некий Хамжед, являющийся доверенным лицом Бен Ладена. По имеющимся данным в подразделения местной милиции приняты на разные должности лица, причастные к террористической и бандитской деятельности. Эти люди по заданию Шамиля Басаева и Доку Умарова внедряются в правоохранительные органы Чечни, чтобы передавать информацию для подготовки террористических актов. В ближайшее время для активизации ДТА (диверсионно-террористических актов) в Грозном группировка боевиков может увеличиться в полтора раза, численный состав бандгрупп может доходить до шестисот человек. Общее руководство бандгруппами осуществляют полевые командиры Ш. Басаев, А. Джабраилов, Д. Умаров, используя финансовую поддержку пособников с территории Грузии и Азербайджана».

Командующий был на совещании немногословен.

«Товарищи офицеры, – говорил генерал. – Международный терроризм в очередной раз бросает нам вызов. Прошу, нет, требую от всех вас и ваших подразделений приложить максимум усилий, чтобы выполнить задачи Верховного командования. Объяснять цели всей операции на Северном Кавказе вам не стану, думаю, понятен общий смысл. Прошу обеспечить и отработать взаимодействие с параллельными структурами ФСБ и МВД. Оперативную работу не прекращать ни на час, минуту, секунду. Вы прекрасно понимаете, что местное население,

народ, поверит только сильной власти. Таковы законы Кавказа. Предельная жесткость, предельная! И тактика. Отрабатывать и готовить мероприятия должным образом. И еще. Это уже от меня лично. Семьдесят тысяч военнослужащих насчитывает группировка войск. Если каждый двадцатый, хотя бы двадцатый из вас, уничтожит по одному бандиту, война закончится».

Макогонов прочитал оперативные сводки, самое важное подчеркнул красным карандашом. Постучали в дверь. Макогонов недовольно засопел. Заглянул дежурный:

– Тащпол, сказали ж не беспокоить, а тут к вам подполковник Тополев.

Макогонов буркнул недовольно, но недовольно на солдата, а не на вошедшего вслед офицера. Офицер присел к столу, разложил перед собой бумаги. Макогонов подобрел лицом.

– Валера, ты мне «слонов» перепугал.

– Твоих «слонов» напугаешь.

– Я спецоружие получил. Два новых ВАЛа. В штурмовую группу Мельнику отдали. Сыпал, что Семеныч-равист отмочил? Духа стрелял. Вот задрота ведь какая. Шибзик, таракан усатый. А целого начальника штаба довел чуть не до инфаркта! Семеныч же в отпуск собрался, пил как сволочь крайнюю неделю. Стал приставать к Духу, чтобы тот его отпустил. Душухин ему в ответ: не поедешь ты никуда, топай вон на свой склад вооружения и готовь документацию к проверке, типа, через неделю из Ханкалы должна быть комиссия. Семеныч кулаком по столу. Душухин рассердился: проспись, говорит, сначала, а потом в штаб приходи. Семеныч достал пистолет и в потолок высадил всю обойму. Дух мордой в стол. Потом печать поставил. Говорят Семенычу – вали отсюдова на х..., рожа пьяная!

Тополев сдержанно посмеялся.

– Кто рассказал?

– Дежурный прибежал на выстрелы. Мои еще видели, как Дух вылетел из штаба и стал орать на всех.

Тополев перестал смеяться.

С Макогоновым они познакомились еще в самолете, когда летели в командировку на Кавказ. Было в них общее – уставники, служаки. Встретился им на взлете старший лейтенант. Разговорились – оказалось, что летят в одно место. Макогонов старлея пытал: скажи-ка, старлей, сколько весит мина ОЗМ-72? Пять кеге, отвечает тот. Ну а сколько в ней осколков? Две тысячи. Неправильно – две с половиной! Валера Тополев: а доложи-ка мне, старлей, правила выверки АК-74? Сконфузился старлей. Так они его мучили до самого Грозного. Тот уж не знал, куда деться от двух доставущих майоров. Но оказался тот старлей толковым малым, звали его Слава Норгеймер, попал он в Ленинскую комендатуру на должность начальника инженерной службы.

Тополев строг с подчиненными: губы узкие, лицо широкое, сибирское, глаза с хитринкой. Воевать, как Макогонов, Валера раньше не воевал, но в штабных делах был непревзойденный дока. Иметь при штабе своего человека – считай, повезло. Но Макогонов с Тополевым о везении не думали: один тактик и практик, другой конъюнктуру отслеживал – текущие установки, настроения в комендатуре. Всякий народ обитал в Ленинке и среди контрактников, и среди офицеров. Местные чеченцы сотрудничали с федералами, и у каждого была на то своя причина. Кто о чем думал, сразу не поймешь. Щупать нужно, хитро щупать. Чтобы, враг не догадался бы, кто какую играет роль. Валера и играл свою роль, как будто всю жизнь к ней готовился. Макогонов и Тополев стали крепкими товарищами, как случается часто с приличными людьми на войне.

Тополев покопался в бумагах, одну протянул Макогонову:

– Сводку тебе подобрал по последним терактам. Слышал уже, вчера ментов у водозабора рванули противопехотной миной МОН-100?

– Сами лохи. Чего Муфтий говорит?

— Так и говорит. Говорит, что каким лешим их толпой потащило. Они и раньше туда катались. Пиво, вобла, солнце. Боевики просекли, поставили мину. Только разделись, купальщики хреновы, пиво достали. Как уе...! Двоих в хлам, на куски, остальных посекло. Муфтий говорит, надо бы отомстить.

— Отомстим. Дальше.

— Дальше сам читай: обстрелы, подрывы и так далее. Все как обычно. Чего сказали в Ханкале?

— То же самое сказали. Деньги пошли боевикам. Начнется кутерьма. По оперативным наводкам уже есть адреса. Будем отрабатывать.

Они еще некоторое время корпели над бумагами, уточнялись в цифрах; проанализировав данные о подрывах, передвижении бандгрупп, стали продумывать мероприятия. Нужно усиливать блокпосты, НОТы — наблюдательные опорные точки, что расположены были на крышах Дома печати и высотных домов на Ленина. Тополев сказал, что надо теперь идти к коменданту, утверждать план действий. Все должно быть по букве закона. И усмехнулся.

Они отправились к коменданту.

В кабинете Питона — посетитель, чеченец в шляпе и при галстуке: ботинки начищены, блестят, а по рантам грязные.

Макогонов остановился в дверях.

— Заходи, заходи, — радостно так замахал руками комендант. — Тут нас помочь просят. Надо бы помочь — а, товарищи офицеры?

Макогонов по голосу знает, когда Питон серьеzen, а когда кипит у него внутри и вот-вот взорвется, и полетит тогда все кругом по матери, отцу и святому духу. Интересно стало, чем все закончится. У чеченца на лице была выражена «вековая любовь» чеченского народа к федералам: лицо гостя расплывается от улыбок, речь выстроена по всем правилам дружественных переговоров.

Питон указал офицерам присесть.

— Вот, председатель колхоза. Просит выдать со склада цепи для комбайнов. Выдадим? А на кой ляд вам эти цепи? — спрашивает вдруг председателя. Тот озабоченно цокает, разводит руками и начинает объяснять, что посевная, уборочная и все такое, одним словом, в хозяйстве все пригодится. Нужно поднимать чеченское хозяйство.

На это месте Питон и взорвался:

— Хозяйство? Имел я в гребаную маму ваше хозяйство! Все ваше хозяйство во дворе у тебя! Все под себя тащите обеими руками. Побольше нахапать? Тебе, сукин кот, давали осенью восемь тонн солярки? Чего молчишь, давали?

Председатель испуганно трясет головой.

— Давали, — продолжает Питон. — А когда отадите? Когда вернешь долг, говорю? Старый комендант ушел, можно забить на нового? Не выйдет! — Питон вытянул руку с характерной фигурой из пальцев. — На-кося выкуси! В рот я ваше чеченское хозяйство! Пошел к е... матери отсюда!

Чеченец вскочил, шляпа слетела с головы. Подпрыгивая на остроносых туфлях, бочком стал он просачиваться к выходу. А когда просачивался мимо Макогонова, подполковник так глянул на него, что горе-просителя сдуло мигом из кабинета.

— Вот сволочь, — резюмировал Питон. — Палец в рот положишь, они за всей рукой тянутся. Им дотации от государства, а они сразу по карманам распихают и бегом в комендатуру снова просить. Тыфу, — и выругался грязно. — Сволочь. Надо бы потрясти его, Василь Николаич. Обидно за державу. Ведь вот какая гадюка — так и не отдал деньги за солярку.

— Потрясем, — хмыкнул Макогонов, — не вопрос.

В кабинете коменданта на столе карта города. Шкаф с дверцами без стекол. Окна заложены мешками с песком. Печка газовая, труба – в форточку буквой «г». Стулья вдоль стен. Под рукой у коменданта пепельница из зеленого стекла с отбитым краем.

Может, и показался бы новый комендант человеку несведущему в тонкостях современной военной науки бездарным и бесполезным, но на самом деле было у Питона одно неоспоримое достоинство. Он не мешал. И не вмешивался в ход исторических событий. Питон не страдал комплексом Наполеона: был ростом выше среднего, а лицо имел мужественное, оттого нравился женщинам. Мужчина, который нравится женщинам просто так, за мужское в нем, не станет и не будет никогда тираном и мракобесом. Но командир, наверное, должен быть где-то и тираном. Тиранство Питона выражалось в его устойчивой политической позиции: он явственно осознавал смысл той борьбы, что шла теперь на Кавказе. «Слабым на Кавказе не место!» Приняв этот девиз за правило, Питон и был сильным хотя бы потому, что не мешал работать тем, кто был сильнее и грамотнее его в военной науке.

Макогонов выложил перед комендантом планы мероприятий, а тот, склонившись над картой, стал методично водить по ней карандашом, делая незначительные отметки.

– Я позвал Муфтия и Штурмана, – произнес Макогонов.

Двое мужчин в защитных камуфляжах появились в кабинете минут через пять.

Они вошли одновременно друг за другом. На форменных куртках не было знаков отличия: могло показаться, что оба они – офицеры штаба или офицеры связи, или офицеры какого-нибудь другого подразделения комендатуры. Первый, с позывным Муфтий, был молодым человеком, возраста примерно, как и Макогонов, но с лицом не таким строгим и мужественным. Ему бы пошли модные молодежные очки или кепи с длинным козырьком. Это был Олег Штейн, замначальника криминальной милиции Ленинского ВОВДа (временного отдела внутренних дел). Отчего Штейн взял себе такой странный позывной – Муфтий? Операм нужны позывные – чем непонятней, тем и лучше. Радиоэфир слушают и враги. Второй мог бы посоревноваться среди людей, умеющих теряться в толпе. Лицо его, незапоминающееся и без явных и скрытых примет, было лицом оперативного работника ФСБ. Штурмана все так и звали Штурман. Штурман умел сомневаться. Сомнения его бывали по разному поводу: сомнения его были основаны не на неопытности или врожденной осторожности, но на профессиональных знаниях, суть которых была скрыта глубоко в его чекистском сознании.

Штейн был капитаном милиции.

Штурман майором ФСБ.

Заиграли настенные часы, все как по команде повернули головы.

– Новости посмотрим? – спросил комендант. Включил телевизор.

Шел репортаж из Чечни: корреспондент рассказывал о митингах протеста и нелегкой жизни мирного населения. Комендант матился. Штурман был серьезен. Досмотрели сюжет. Дальше было неинтересно – про какие-то банковские махинации.

Комендант убрал звук.

– Как вы думаете, кризис будет? В чем деньги держать?

– В патронах, – ответил Макогонов.

– Б… они! – выразился Питон.

– Кто?

– Писаки.

– Да-а.

– А я думаю, тут закралась измена, – резюмировал Штурман. – С другой стороны, как бы свобода слова. Или там полные кретины.

Штурман достал из кармана сложенную вчетверо бумагу. Развернул. Оказалось, что это газетная вырезка.

— Я вам как бы прочту. Называется: «Если бы я был диктатором». «Если бы диктатором в Чечне был я, “зачисток” бы не делал. Ни к одному населенному пункту не подтягивал бы бронетехнику. О том же, кто бандит, тихо собирая информацию, и ночью, в два-три часа, приходил к ним в дома и здоровался за руку: “Салам алейкум!” И после такого визита этот бандит никогда бы нигде не появлялся больше. Три – пять подобных мероприятий – и все бы все поняли. Ведь именно так было, когда НКВД работало: тук-тук-тук – и не вернулся... Люди это знали и боялись. Время было такое, иначе не было бы порядка».

Прочел, спрятал вырезку в карман.

— Знаете с кем интервью? С главой республики.

— Звучит, — сказал комендант.

В кабинет заглянула Юля, комендант зыркнул на нее. Та же постояла в дверях, дождалась, пока все мужские головы повернулись в ее сторону. В глазах у каждого вырисовалась соответствующая мысль — хороша!

Возвратившись к себе от коменданта, Макогонов вызвал Тимоху и Ускова. Объяснил задачу, чтобы «обкатали» адреса.

Через полтора часа сержанты вернулись, стали смотреть видеозапись.

В тактическом классе, определились в деталях по нарисованной на школьной доске схеме.

— В штурмовой группе пойдут первыми Мельник, Усков и Савва, — сказал Макогонов. — Работаем. Все, хоп.

Угреватое в звездах небо южной ночи. До рассвета час. Самый сон. Далеко собаки забре-хали, взвыли. Луны нет на небе, а собаки воют — собаки с голодухи воют. Квартал укрыт густым мраком. Тишина.

— Этот дом?

— Левее. Стой. Глуши.

— Этаж?

— Третий. Окно второе от подъезда.

— Через козырек над подъездом. Лестницы.

Газовые факелы то тут, то там. Газа много в Чечне: им освещают улицы по ночам. Тени с длинными палками метнулись к факелам, на палках мокрые тряпки. Мокрыми тряпками накрываются факела. Тухнут рыжие всплохи. Шипит холодный газ.

Две тени взбираются на подъездный козырек.

— Савва, форточка.

— Открою, да.

Тень худая, юркая змеево просачивается через форточку.

— Давай, солнцепоклонник. Давай, родной.

Шум, возня внутри квартиры. Глухие удары. Через некоторое время распахивается подъездная дверь. Тени-бойцы проникают внутрь дома.

Собака взвыла, заголосила. Но далеко.

Так бывает, происходит ночью всегда во время захвата квартиры, «отработки адресов». Броню с Лодочником и еще вторую броню оставляют не близко к адресу. Идут группами до места, вглядываясь в ночь через приборы ночного видения. Подгруппы тушения гасят мокрыми тряпками газовые горелки. Штурмовые тройки взбираются по балконам и козырькам на верхние этажи, где есть проломы внутрь дома. Открывают подъездную дверь изнутри. Через форточки и окна, если крепка дверь, змеево проникает в квартиру калмык Савва. И работает там. Если Савва взялся работать, можно не волноваться. Объект задержан. С ним обращаются жестко. Он раздет догола и беспомощен. Возьмите мужчину и разденьте его догола. И бейте

его. И чтобы мрак и темнота окружали его. Тогда любой, даже очень сильный, мужчина не выдержит и все, все расскажет: в чем грешен он и в чем не грешен, и в чем грешны другие.

Тени одна за другой взбираются по лестницам, этажам. Тени просачиваются в квартиру: обыскивают комнаты, кухню, коридор.

- Детонаторы, ствол АКСУ, цинк с патронами, магнитофон с кассетами.
- Магнитофон заминировать.
- Там тайник.
- Тайник заминировать.

Пяти минут не прошло с начала штурма. До рассвета час. С рассветом перестанут выть собаки и голодным лаем станут предупреждать людей о возвращении утра.

На полу возле топчана корчился человек. Человек в одних трусах: он закрывает руками голову, из-под рук взглядом затравленной собаки оглядывается, но видит только лучи фонарей, направленные ему в лицо. Пленник дрожит и повторяет:

- Этта страшная ашибка. Этта страшная ашибка. Этта…

Времени нет. Пленника тут же бьют ногой в бок. Савва. Он маску задрал на лоб и присел перед пленником, и себе посветил фонариком в лицо.

– Здравствую, чурка вахабитская, да, – сказал Савва. – Трусы носишь, да? Вахабы не носят трусы. Маскируешься, да?

Пленник видит лицо дикое без, глаз. Глаза у Саввы – нитки. Уши слоновьи. Пленник теряет контроль. Савва бьет пленника в подбородок. Тот откидывается головой и стукается затылком о стену. Савва дальше говорит без падежей и ударений, но с характерным акцентом:

- Скажи, сука-билят, чурка, перед смертью, сколько наших русских убиль?
- Не-е-е, – икает пленник. – Я нэ убиул, я нэ убиул. Этта ашибка…

Удар. Пленник валится на пол. Савва пинает его ногами. Савву не останавливают. Савва никогда не переусердствует. У Саввы нюх. У Саввы рука набита.

У пленника лицо разбито. Он корчится. Штурман спрашивает:

- Быстро. Адреса, имена. Повторять не буду.
- А-шибка…

Макогонов вступает в игру:

– Я узнал тебя. Это ты взрывал саперов. Тебя давно ищут, я не завидую тебе. Этот узко-глазый друг саперов. Ты убил его друга. Я не завидую тебе.

Савва вынимает нож.

- Давайте ему член отрежем, да. И яйца?
- Режь.
- Снимай трусы.
- А-а-а! – орет пленник. – Нэ надо-оа!

Савва бьет ногой, склоняется к пленнику и начинает срывать с него трусы. Пленник хватается за резинку. Так продолжается борьба за трусы. Нож мелькает перед лицом пленника; кончиком Савва задевает щеку. Задевает снова. Пленник сдается. Он парализован. Он хочет жить. Он схватил себя обеими руками за место между ног, обхватил ладонями мужской отросток.

– Скажу, скажу, скажу! Челоуэек, короче, пришел от Шамиля из Ведено. Сэурьеэзный чэлоуэек. Имя не знаю, короче, кто не знаю. Адрес знаю. Все скажу. Не режьте! Не убиуйте! Не делайте этого, рэбята!

Психология – тонкая наука. Психологии Савва не учился. Савва – психолог тонкий. Глаза у него – нитки. Макогонов всегда уважительно отзывался про Савву. Савву бандиты боятся, у Саввы лицо нерусское. Савва им кажется самим чертом, шайтаном, карающим органом. С Саввой нельзя договориться – он хладнокровен. Савва не знает жалости. Ни у кого нет жалости. Нет на войне жалости – не должно быть.

Сорок пять минут до рассвета.

Пленнику натянули мешок на голову, обмотали скотчем, оставив рот, чтобы дышал. Так же тихо выбрались из квартиры из дома.

Тени в ночи – одна за другой: автоматы в плечо, улица просматривается через приборы ночного видения.

Лодочник ждет.

Тимоха сидит на пленнике: придавил ногой, чтобы тот не шевелился даже.

Лодочник завел мотор.

Макогонов, Штурман и Муфтий решают, что делать.

Сорок минут до рассвета.

Штейн горячится:

– Успеем!

Штурман сомневается.

Макогонов принимает решение:

– Будем брать. Завтра уйдет. Факт уйдет. Этого взяли, завтра они узнают, что этого взяли.

Хоп, будем брать.

Они взобрались на броню. Макогонов на командирском месте.

– Лодочник, седушку мою. Адрес в Черноречье. Поехали.

– Поехали, – отзыается Лодочник. – Ну что, смертнички.

– Язык отрежу.

Тихо работает мотор у БРДМ; неслышная машина «бардак» – самая дляочной работы.

Макогонов теперь был уверен, что сведения, полученные от задержанного боевика, точны и не требуют доказательств и проверок. И времени у них все равно не было проверять, – сомнения в такой момент могли лишь помешать делу. Вспомнил Макогонов: «*По имеющейся информации, в Грозный из Веденского района Чечни для установления связи и координации действий бандформирований международного террориста Абу аль-Валида прибыл гражданин Турции некий Хамжед, являющийся доверенным лицом Бен Ладена...*» Оно? Да наверняка. Точно оно. Нужно брать. Штурман всегда сомневается: у него такая работа, ему по должности предписано сомневаться.

Добрались до Черноречья. Адрес в частном секторе. Не ошибешься – дом такой один на весь квартал двухэтажный кирпичный. Темные окна. Один факел на всю улицу. Тут же к факелу поднимается палка с мокрой тряпкой.

– Тот, думаешь? – спросил Штурман, когда бойцы занимали позиции перед штурмом.

– Тот, – ответил Макогонов. – Адрес не обкатан. Мельник со своей тройкой пойдет первым. Будем брать.

Штейн горячится:

– Термобаром в окна.

– Их живыми нужно взять. Может вырисоваться интересное дело. Мельник первым пойдет.

Случилась как-то с Вовой Мельником пренеприятнейшая история.

Пришлось ему взять отпуск «по личным» десять суток. И рванул Вова в Ханкалу. Из Ханкалы летают «вертушки» на Большую землю. Не регулярно летают. А тут МИ-8, «восьмерка», стоит под парами. Винты раскручиваются. Вова подскочил к кабине, стучит в стекло. Летчик открыл форточку, спрашивает – чего тебе, малый? Домой срочно надо, а если на вашей не улечу, «корову» придется сутки ждать. Возьмите – а? Летчики обиделись на Вову, что он большой транспортный вертолет МИ-26 назвал «коровой». И не взяли. Вова сутки мок под дожем на взлетке в Ханкале. Когда пришел борт, и все стали грузиться, прошел слушок, нехороший слушок – а потом и сказал кто-то, что ту самую «восьмерку», летчик которой отказался взять

Вову на борт, сбили боевики из переносного зенитного комплекса. Вова загрузился в «брюху» большого вертолета МИ-26 и подумал, а ведь было предчувствие – он тогда не придал этому значения. Но ведь почему-то стал так развязно говорить с летчиками, назвал вертолет «коровой», хотя прекрасно знал, что на какие слова всякий вертолетчик обидится и не возьмет на борт. Интуиция. Вова с тех пор стал бояться своей интуиции, но и стал прислушиваться к голосу изнутри себя. Может, думал Вова, это голос разума.

Все бы и на этот раз прошло гладко в адресе, если бы, наверное, не интуиция...

Фэбсы осторожные. Штурман, когда ему доложили, что двери в адрес железные и снаружи не открыть без шума, подумал и сказал Макогонову, что надо уходить: «тяжелые» если станут работать в такой обстановке, могут быть потери. Если «клиент» и в самом деле тот, о ком говорится в ориентировке, то и охранение у него должно быть соответствующее.

Мельник и Савва посыпывали с себя снаряжение. Мельник только «разгрузку» оставил удобную с карманами для ножей и спецоружия.

– Ну что, солнцепоклонник, я пойду?

Савва маску снял и щурится на восток. На востоке еле-еле брезжит. Рассвет. С каждой минутой, секундой светлеет небо. Щурится Савва на восход.

– Ты мой брат, да. Давай я пойду. Я худее.

Мельник нежно относился к Савве. Он называл его солнцепоклонником. Отмечали во взводе Новый год. Били куранты, и поднимала разведка дозволенные командиром сто граммов за год наступающий. Савва сказал тогда, что Новый год не праздник. А что тогда праздник, спросил Мельник. Праздник, говорил Савва, бывает в феврале, когда приходит на землю весеннее солнце. Так и называется – праздник солнца. Сказал ему Мельник: ты, Савва, первый и единственный в российской армии солнцепоклонник. Нежность, мать ее. И была это такая нежность, которая рождается только на войне между мужчинами – заключалась она в том, что готов был сибиряк Мельник, если понадобится, отдать свою жизнь за калмыка Савву. А Савва за Мельника. Просто все. И даже, когда начинал Тимоха или кто другой шпиона Савву, называть того «узкоглазой макакой», хоть и понимал Мельник, что это отношения такие – в шутливой развязной форме, и сам Савва даже не обижался, – но все одно заступался за калмыка. Отвалите, говорил, от моего боевого товарища. У него глаза – нитки. Не понять вам Саввину душу. Но и сам Мельник порой не до конца понимал Савву. Загадочным был человеком русский солдат, калмык Савв Сарангов. Была у Саввы история; но историю эту он никому не рассказывал: может, потому что не любил о себе говорить; может, было в той истории что-то, что терзало Саввину душу, – и тогда гнал от себя Савва воспоминания: курил анашу и выпивал регулярно. Прощалось Савве до поры.

Они теперь хоронятся у брони.

Остальные заняли позиции: кто в траве залег, кто под колесом, кто за столбиком, деревом.

– Может, и не пойдем, да? – шепчет Савва.

– Командир не отступится.

Макогонов обрисовал Мельнику картину:

– Через форточку войдешь. Откроешь дверь. Там не меньше троих наверняка. Наш клиент должен быть там. Его нужно брать живым. Остальных валить.

Штурман удивляется такому делу, но молчит: думает, что если будет шум и будут потери, тогда разборки у начальства будут нешуточные. Все-таки чокнутые они, эта ленинская разведка. Чокнутые!

Макогонов неспроста так решил, что пойдет Мельник. Макогонов знает способности Мельника. Мельник – рукопашник; у Мельника холодный расчет на первом месте. Он терпеливый, внимательный – интуиция у него, как у медведя в тайге. Ждать будет, на одной руке повиснет – и будет висеть так хоть час, но в адрес войдет. Можно и Савву.

«Нет, – решил Макогонов, – Мельник должен идти».

– Пошел, – сказал Макогонов.

Мельник пошел. Темно еще, только на востоке брезжит, брезжит. Есть еще время – минут десять, не больше. Тимоха с Пашей Мельника подсадили. Тот ухватился за козырек, залез по газовой трубе. Замер у окна. Вдруг промелькнуло у Мельника: может, нужно было, чтобы Савва пошел на этот раз? Интуиция. Поздно теперь прислушиваться к голосу разума. К чертям собачьим все мысли! Какой на войне разум. На войне есть одна наука – выжить и сделать свою работу в срок и уйти без потерь. Это и есть военный разум. Другого нет, не дано на войне. И думать о другом, о разумном человеческом бессмысленно, тогда время уйдет – потери могут быть тогда. Потери человеческие уже не восполнены разумом и интуицией.

Подтянулся Мельник, через форточку заскользил внутрь квартиры. Влез наполовину. Темно. Прислушался. Тихо. Но вроде дышат. Люди – в кухне или коридоре, или другой комнате. Мельник скользит змеево – руками коснулся подоконника. А, черт! Кружки, тарелки. Заставлен подоконник всякой всячиной. Он развел руки, сколько было можно, уперся в стены. И так стал сползать. Сполз до пола, ноги подтянул. Сопят. В коридоре спали двое – автоматы рядом. В другой комнате на широкой кровати хранил под простыней человек с бородой. Бороду Вова сразу разглядел: борода была аккуратная, подстриженная под «интеллигентного». Мельник обувь скинул перед тем как лезть. Теперь на мысочках пробрался мимо двух охранников с автоматами. Дверь открывалась легко; он выскоцил на подъездную площадку и, спустившись на первый этаж, отодвинул щеколду. Впустил Ускова, Савву, «тяжелых». Сам же первым поскакал наверх. У двери, когда взялся за ручку, снова кольнуло. Интуиция? Да к черту! Потянул Мельник на себя ручку двери. Усков зашипел на Мельника: теперь уйди – ты без бронежилета. Уйди, ты свою работу сделал. Уйди, нах, дай работать теперь «тяжелым». Но Мельник решил сам взять того с бородой – сунуть ему ствол в рот. Никуда тот не денется, не вякнет со стволом-то за щекою.

Интуиция...

Вошел Мельник в квартиру и только сделал первый шаг, с пола – метров с четырех, с дальнего конца коридора, где ванная и туалет – ударило пламя. Очередь длинная и бесполковая:

– Тра-та-та-та-тах!

Не треск автоматный, а будто горы рухнули на плечи и голову Мельника.

Перегруппировавшись, Мельник каким-то чудом успел стрельнуть в ответ. Не чувствуя ударов от попаданий в него пуль, повалился на пол и, перекатываясь, цепляясь ногами за стены, очутился на кухне. Он не успел отдохнуть, не успел понять, куда он ранен.

На площадке закрутилось. Макогонов растолкал остальных. Стоит первым у двери, но так, чтобы не попали, если бы стали стрелять из квартиры.

– Мельника завалили. Будем мстить. Гранаты!

– РГД.

– Первая. – Макогонов швыряет гранату в квартиру.

Ббу-ух! Со звоном вылетают стекла, валится со стен штукатурка, вырывается с «мясом» дверные косяки.

– Вторую, – подают вторую РГД. – Выходи, – кричит в квартиру Макогонов.

Скрип по полу, кто-то ходит, кто-то стонет. И голос из квартиры:

– Нэ уиду-у-у...
Полетела вторая граната.
Ббу-ух!!
За ней третья.
Ббух-х!!!
Четвертая, пятая, шестая.

На восьмой гранате боевики сдались. Одного убило, он валялся в луже крови лицом вниз у туалетной двери, автомат рядом. Он, по всей видимости, и стрелял в Мельника. Второй оглушенный корчился и стонал. Его поволокли, на ходу натянув мешок. Самый важный «клиент» с интеллигентной бородой выпрыгнул из окна. Там его и приняли Тимоха с Пашей Аликбаровым, – приняли и, «аккуратненько» пресанув, чтобы дышал не каждый раз, а с перебоями, поволокли к броне.

Мельник то терял сознание, то, после каждого нового взрыва, приходил в себя. Он трогал себя по груди, животу – искал, где сочится кровь, куда он ранен. Шум в голове. Ббух-х! Взрывы. Ббух-х! Голоса. «Выходи!» – «Нэ виду!» После третьего или четвертого разрыва Мельник перестал считать гранаты: «Командир сильно разозлился. Наверное, подумали, что меня завалили». Мельник потерял сознание, или только так показалось ему.

Тук-тук-тук.

Голова по ступенькам. Вялое тело тащат за ноги со второго этажа вниз. Голова безвольно стукается по ступенькам. Савва с Усковым волокут тело по лестнице. Быстро нужно. Отход еще стремительнее, чем наступление.

Тук-тук-тук.

– Савва, тише ты, я сам пойду.

Савва слышит, что обращаются к нему, сразу не соображает. Усков бросает ноги и подхватывает Мельника под мышки.

– Живой?

– Живой, да?

– Живой, мать...

Мельника волокут, выволакивают на улицу. Еще есть немного времени: тут каждая минута, секунда дорога – нужно узнать, куда ранен Мельник! Перевязать, кровь остановить. Усков склоняется над товарищем, вынимает нож и начинает разрезать ремни на «разгрузке». Режет, режет. Разрезал. Заворотил «горку» на Мельнике и щупать стал ему грудь, живот.

– Куда, куда?

– Да никуда. Ты зачем порезал? – Мельник очухался, разозлился: имущество ведь испортил сержант Лиса! – Лиса, б..., имущество...

– Какое имущество!

Макогонов рядом.

– Живой?

– Живой, тащпол.

Рявкнул Макогонов:

– Уходим!

Небо светлело на востоке. Наступало утро. Два БРДМа, стремительно набирая скорость, уходили на запад.

* * *

Пошли по комендатуре дурные слухи, что Мельник, опытнейший разведчик, тронулся умом – стрелял Мельник в своего командира, подполковника Макогонова. Попал, не попал – не говорили. Вроде бы не попал. Но стрелял же – совершил воинское преступление.

«То-то теперь делов будет», – думал Старый.

Казачков, сапер из новеньких, рассуждал так:

– Они Мельника подставили сами, а теперь прессуют. Попал пацан под раздачу. Разведка, разведка… Ты видал, как они своих? Саперы, говорят, пьянь и рвань. А мы своих не подставляем. Ротный Дубинский отмазал бы. Правильный он мужик.

Старый соглашался, кивал.

Но Старому было не до разборок.

Он, конечно, Мельника уважает и остальных разведчиков тоже. Но лезть теперь в «ихние разборки» Старому резона не было – ему ж домой ехать.

Он, как и решил, договорился с Маликой насчет такси. Хотел с Тимохой, но разведка была на нервах после того случая. Мельник тронулся умом! Разведчиков можно понять, отчего же не понять – тяжело терять боевых товарищев. Вот он, Старый, сильно переживал, когда рвануло на Первомайке Жорика с Тимуром. Крови, крови было!.. Старый крови боялся, не любил смотреть на кровь. Старый старался не думать, не вспоминать о боли. Боли он натерпелся за свой контракт.

Было дело, отмазал Старого ротный. Попался Старый начальнику штаба. Да не пьяный был, с запахом. Начштаба Душухин – зверь, не человек – стал требовать от Старого рапорт на увольнение: «Пиши, клади на стол, рожа пьяная!» Старый тогда к ротному. Ротный замолвил словечко. Старый по совету Казачкова выставил ротному доброго прохладненского коньяку. Казачков ему тот коньяк и продал. Где Казачков коньяк взял – не «паленый», а фирменный с маркой производителя – не задумывался Старый. Если орденами-медалями торгуют запросто, то про спиртное чего говорить.

Про ордена-медали обидно было думать.

Вот, к примеру, пришло представление на Пашу Аликбарова. Паша даже видел документ в наградном отделе в Ханкале. С президентской подписью или не с президентской, но точно, что пришла бумага из Москвы, откуда на всех героев приходят представления. Паша в комендатуре поздравляли. А чего без ордена приехал? Паша сказал, что на том документе его фамилия еще не была вписана. В наградном отделе сказали, что, как впишут, так и оповестят. Прошла неделя-другая. Нету ордена. Паша есть перестал, спал плохо, с лица весь сошел. Обидно же! – орден есть, а ордена нет. Снова поехал Паша в Ханкалу. А как приехал обратно в комендатуру, так и разбушевался – хотел найти кого-нибудь из штабных и придушить. Но, если задуматься, в чем штабные-то, которые из комендатуры, виноваты. Оказалось, что украли Пашин орден. Вписали в его документ чью-то другую фамилию. Писарь из наградного по секрету «слил». И «ушел» Пашин орден.

Чего уж про него, Старого, тогда говорить. Он и не герой даже. Только раненый был. Так разве ж это геройство?..

Эх, ордена-медальки! Домой, домой… Думалось Старому о доме.

Красные ягоды, ягоды… Чего они привязались эти ягоды? Да с запахом еще, будто на самом деле, а не приснилось тогда.

Как отъехали от комендатуры, Андрюха все слушал, как резина на колесах «Волги» гудит. Гудела резина как-то неровно, и «Волгу» все тянуло и тянуло к обочине. «Правый баллон жует, – решил про себя Старый, – сход-развал».

Водитель, уткнувшись подбородком в руль, вел машину. Он был неразговорчив, что совсем не походило на городских чеченцев. Старый решил, что водила селянин. Ну и пусть, а какая ему разница – главное, денег берет не много, а ехать да хоть на верблюде, лишь бы домой. Стал Андрюха прикемаривать на правое плечо – клонится и клонится голова. И закемарил. И еще, как уснуть, успел подумать про ротного: ведь до чего замечательный мужик, все ж выбил он деньги у «финнов». Ну, конечно, пришлось отстегнуть за труды, как говорится. Но что же сделаешь с этими дрянными «финнами». Если бы не ротный, если бы...

Старый проснулся оттого, что машина стала. Он тер глаза, а когда оттер зевотную слезу, увидел, как водитель, обошедши машину, открыл с его стороны дверь и наставил на него ствол пистолета.

– Уэхады.

– Вы че, мужики, договаривались же. Малика же.

Но его уже хватали за рукава дешевой кожаной курточки: не просто так хватали, но уже пробовали кожу на товар – трогали кнопки и считали, сколько карманов у курточки. Вроде был и второй – помогал водителю: бил и пинал Андрюху, приговаривая непонятно и зло. Вдвоем эти люди отволокли Андрюху от машины за кусты и стали тянуть с него курточку. Андрюха хотел тогда встать и бежать. Поднялся на колени, сплевывая кровь с разбитых губ, и уже хотел побежать. Но ему в спину стрельнули. Раз, второй, третий. Стреляли снова и снова. Пули пробивали его легкие, желудок; одна пуля шестая или седьмая толкнула в спину посередке. И Андрюха свалился, перестав чувствовать свои ноги, но руками все греб и греб под себя, а ртом ритмично отрыгивал черные порции теплой крови.

И уже перед самым, как потерять ему сознание, он увидел красные ягоды на кусту и даже потянулся за ними, и даже почувствовал, как они пахнут. Крошечные в гроздьях красные ягоды. Андрюха покривился до боли черным ртом, успел удивленно, но в то же время с облегчением подумать: «Все, что ли?» И ткнулся лбом в землю. И вроде как затих.

В него стрельнули еще раз для контроля в голову.

Глава вторая

Очнулся Андрюха, и так удивительно ему стало на себя, – что лежит он под кустом и что голову, поднявши, видит гроздья красные. А глаза плохо видят, будто слезы – в пелене все перед глазами. Он тогда подтянул руку к лицу и стал тереть, а потом глянул на пальцы свои и увидел, что красные пальцы, аж алые, но уже ссохлое, запекшееся все было. И он подумал, сколько ж времени прошло, как он валяется здесь под кустом. А как подумал, то и вспомнил все. Вспомнив, вдруг испугался за себя: понял, что остался он живым, а значит, теперь ему мучиться и страдать. Пошевелился Андрюха да не ловко. И такая боль его пронизала, страшная боль, что он подумал: нет, помрет он, раз больно так. Но жажда жизни, – хоть и не задумывался Андрюха теперь над этим, – оказалась сильнее всякой смертной боли. И пополз он. И полз, не знал сколько времени, – но казалось, что очень долго, потому что полз он так медленно – по сантиметрикам, по миллиметрикам. И дополз. И увидел, что остановилась у обочины другая машина. Видел затуманенным взором, что подбежал к нему человек. Не русский – чеченец. И стал чеченец кричать кому-то на своем языке. А потом его волокли, но так взяли бережно, что он стал проваливаться в черноту, и когда его уложили боком на заднее сиденье, успел подумать, что, наверное, его снова станут убивать, раз чеченцы подобрали, а не свои, русские. Но не успел большего додумать, снова потерял сознание.

Андрюха ничего не ощущал. Он не чувствовал боли. В расхристанной «шестерке» пожилой чесенец довез его до ближайшего блокпоста. На блокпосту решать, чего же делать. Но трогать всего в крови Андрюху не решились, а дали чеченцу сопровождение. Поехали: бэттер, а за ним «шестерка» старикова. Долетели как могли быстро до Северного госпиталя. И началось. Покатили Андрюху по госпитальному коридору. Хирург посмотрел и удивился, что живой Андрюха, стал считать дырки в нем. Насчитал тринацать пулевых.

– Несчастливое число, – задумчиво произнес хирург. И спросил медсестру: – Живой? – И сам себе ответил: – Хм, живой. Ну, тогда готовьте его на операцию. Хотя, все одно умрет.

Чеченца допросили. Хотели отпустить, но из особого отдела прибежал офицер. Стоять, говорит, а ну-ка документы! Чеченец загрустил: он вез молоко на рынок – два бидона в багажнике. Печалится его баба, что скинет теперь молоко.

Документов при раненом не нашли. Был тот в бессознательном состоянии, на ниточке его жизнь дрожала. Пока кромсали истыканное пулями тело, кто-то из медсестер или прaporщик медбрата вспомнили, что вроде как и видели они этого парня, а видели вместе с ленинскими саперами: те на своем бэттере ломали госпитальные ворота, когда привозили очередного раненого. Безбашенные они – ленинские саперы. Привезут окровяненного – кишкы по броне, мертвый уже, – а они кричат страшным матом: открывай, такой-сякой! И таранят ворота с дурых голов. А чего таранить? Покойник и подождать может, а ворота потом ремонтировать.

В общем, признал тот прapor в раненом ленинском сапера.

Сообщили в Ленинку. Оттуда подкатил на броне Славка Норгеймер, начальник инженерной службы Ленинской комендатуры. Подтвердил, что его это солдат, а по фамилии Андрей Карамзин. Сказал, что не солдат он больше – рассчитался и должен был уже садиться на поезд в Минеральных Водах.

Норгеймер заспешил обратно в комендатуру.

Прибыв, поднялся в штаб и сразу к коменданту. Его по пути во дворе комендатуры дернуло было начштаба Душухин, в своей манере накричал – чего и как, почему без доклада, почему без рапорта! Норгеймер на Духа выпучился и бочком мимо, и к коменданту без стука. Питон на саперного офицера поднял грозный взор. В кабинете были Макогонов и Штурман.

За Норгеймером сразу входит Душухин.

Норгеймер доложил, что нашли их сапера в бессознательном состоянии в поле у дороги в районе населенного пункта Горагорский. Нашел его старик чеченец, проезжавший той дорогой. Солдата сейчас оперируют, а чеченца допрашивает особист в Северном.

Штурман насторожился.

Макогонов посупровел, желваками заводил.

Душухин покраснел.

– Товарищ полковник. – Душухин с обидой в голосе доложил: – Я доводил до вашего сведения. За последние два месяца пропали по дороге домой двенадцать человек из комендантских. И это только наших. Все рассчитавшиеся.

Штурман потер вспотевшей ладонью по колену.

Макогонов сразу все понял, подумал: «Спасибо, Дух, штабная ты крыса. Чего ж ты раньше, обезьяна тупая, мне не заострил внимание!»

– Все рассчитавшиеся, – повторил Душухин, – потому никаких следственных мероприятий и не проводилось. Ни по одному пропавшему не было сообщений, только по троим присыпали запросы из военкоматов. Мы сообщили, что те люди числятся увшими из части по окончании контракта. И что следить за их дальнейшей гражданской судьбой Министерство обороны не имеет полномочий и обязанностей.

Комендант спросил:

– Солдат жив?

– Да как сказать, – Норгеймер будто собирался с мыслями, – жив и не жив.

– То есть?

– В него стреляли тринацать раз и контрольным добивали в голову. Но промахнулись, на его счастье, ухо отстрелили. А голова вся в крови, это что били его. Хирург пощупал, говорит, мягкая голова. Мозги отбиты. Если выживет, может дураком стать.

– Та-ак! – злоно протянул комендант. – Михалыч, – обратился он к Душухину, – ты сделай запрос по комендатурам и подготовь мне докладную записку. Поеду на Ханкалу. Василий Николаич, ты отправляйся в Северный. Попытай этого солдата, если, конечно, он выживет. Вдруг вспомнит.

– Надо, чтобы выжил, – скрипнул зубами Макогонов.

– Зацепка, – вставил Штурман.

– Тенденция – добавил Норгеймер.

– Прослеживается, – подтвердил слова Норгеймера комендант. – Норгеймер, ты проинструктируй своих, чтобы поодиночке не выезжали из Грозного.

– Понятно, товарищ полковник.

– Не «понятно», а чтоб не жопой думали! Я понимаю, у них у всех бошки поотколочены. Но, е мое! – вскипал комендант.

Норгеймер вышел из кабинета. Вслед, бубня под нос, вышел и Душухин.

Закурили.

Юля гордо вплыла как всегда без стука, принесла чайник с кипятком. Разлили по кружкам, сахаром вприкуску захрустели.

И будто не было сейчас Славки Норгеймера, и будто минуту всего назад не скрипели мужчины зубами в бессильной злобе. И в этом каком-то невоенном домашнем похрустывании, похлебывании совсем не чувствовалось то напряжение, в котором, казалось бы, по человеческому здравому смыслу, должны пребывать теперь люди, узнавшие о страшной трагедии. Но кто обвинит их в бездушии? Кто не знает – не знает, как тяжела и паскудна эта мужская работа, которую люди прозвали войной.

– Какая же эта война?.. – вдруг вскинулся комендант. Обжегшись, чертыхнулся. – А, черт! Вечно припрет кипятка. Ладно, давайте по нашим делам. Что клиент? Говорит?

Макогонов пил осторожно, с шумом тянул, остужал.

– Ф-у-у-у. Клиент хороший.

Штурман макнул в стакан куском сахара, размочалив кусок, положил в рот, стал жевать с удовольствием.

– Работаем пока. Докладывать рано. При нем, правда, обнаружено сто тысяч долларов США. – У коменданта аж глаза загорелись, не сдержался. – Фальшивых, – поправился с улыбкой Штурман. – Предварительно можно констатировать факт того, что нами задержан именно тот человек, о котором писалось в последних сводках, связной Басаева и самого Абу аль-Валида. Этот самый Хамжед, собственной персоной.

– Ух ты! – комендант дул теперь на дымящийся вар.

Вставил слово Макогонов:

– Вот бараны! Им за работу даже платят фальшивкой. Правильно, какой дурак станет платить баранам золотом. – И выругался, но толково.

– Бараны, не бараны, а если эту дрянь не перехватить, она уйдет за хребет, на Большую землю. Подрыв экономики, – стал размышлять Штурман. – Одним ударом, как говорится, двух зайцев: и фугасы на саперов, и фальшивые деньги в оборот. Хамжед этот – клиент серьезный. Почки, конечно, ему можно опустить, но толку. Сдохнет, а ничего не скажет. Нет, у наших, конечно, скажет, но опять вопрос: то ли, что мы ждем от него услышать, или то, что он должен нам сказать? Тут подход нужен.

– Может, Савву моего?

Штурман с усмешкой глянул на Макогонова.

– Умельцы и у нас есть. Но здесь, повторяю, время нужно. Игра. Но твой калмык, прости, туповат, чтобы раскрутить агента, подготовленного не где-нибудь, а в логове.

– В логове? – удивился комендант.

«Все-таки Питон тормозит иногда, – подумал Макогонов. – Штурман что-то разговорился. Еще с Мельником история».

– Товарищ полковник, тут Мельник мой накуролесил.

– Слышал. – Питон неохотно переключился на «криминальную» тему. Залет Мельника – пятно на всей комендатуре. Ему же, коменданту, оправдываться перед начальством. Ничего себе – солдат стрелял в офицера. ЧП окружного масштаба!

– Я, думаю, его под списание, чтобы без последствий. Он сейчас под стражей, – сказал Макогонов.

– Чего так? Солдат вроде он недурственный. Вроде ж приличный боец.

– Не надо, товарищ полковник, меня на жалость пробивать. Я жалостлив, когда то подсказывает ситуация. Тут же, хоп, поворот конкретный. Какой бы ни был идеальный солдат, а раз поднял руку на командира, – мне без разбору, по пьянке или по какой еще дури, – значит, негодный это солдат. И не бывать такому слабаку в моем подразделении. Так и будет, как сказал. Точка.

Строг, суров Макогонов. Комендант хорошо знал своего начальника разведки и спорить с ним не собирался. «Его дело, – решил Питон. – Мне что за забота? Пусть и расхлебывает, раз такой принципиальный».

– Резюме по Мельнику?

– Документы на увольнение, а пока посидит в камере. Как документы будут готовы, под зад и за ворота с глаз. Хоп. И свободен.

Штурман искал глазами по полу.

– Крут ты, Николаич, – подытожил комендант.

Питон глянул на часы. Время было позднее, и пора было ему перебираться из прокуренной комендантской в теплую уютную комнату. Ласковая Юлька станет верещать ему на ухо до

утра, станет баловаться – раскинется на его широкой полковничей груди, усыпит его ароматом своего жадного до ласк тела.

- Так ты съезди завтра в Северный, – сказал на прощание комендант.
- Съезжу.
- Будьте здоровы, – козырнул на выходе Штурман.
- Будьте и вы-а-а, – зевнул во весь рот Питон.

Следующим утром, как вернулась в комендатуру инженерная разведка, Макогонов выехал в город одной броней. Лодочник взял курс в сторону аэропорта Северный, где и располагался госпиталь. По пути тормознулись у базы смоленцев. Приличными людьми были смоленские менты – простецкими и не бздливыми. Макогонов прилетал к ним на выручку, когда темной ночью боевики крыли их базу со стволов и гранатометов. Менты, распаленные боем, все рвались с ленинской разведкой мстить. Василий посмеивался, но не с издевкой; промочив горло с их командиром «за содружество родов войск», убеждал того:

- Вы – менты. И ваша работа есть ментовская. Вы в солдатские лямки не лезьте.
- Да что ты, Василь Николаич, мы чего ж и не повоюем, раз менты? – с обидой даже в голосе отвечал смоленский командир командиру «ночных фей».

С умывалом заехал Макогонов: случилось же намедни одно дело – то, про которое просил комендант Питон: обидно стало коменданту, что не ставит их хитрющий председатель колхоза ни в грош. Юлит – не хочет расплачиваться за казенную соляру. Соляру ту списали уже давно, но дело было принципа. Оказией и зарулил начальник разведки к смоленцам. Макогонов знал, что не откажет в просьбе детина-командир. А не откажет не потому, что случалось им выпивать по разным поводам, и не потому, что выручали ленинские смоленцев не раз, а по причине того, что однажды пришлось Макогонову с его бойцами принимать участие в одном шикарном бою. Слухи о том бое обросли со временем развеселыми и вовсе уж не правдоподобными деталями и со скоростью неимоверной распространялись по родам войск и ментовским отрядам.

А случилось так. В одну встречу увидел Макогонов, что не в настроении командир смоленцев, да мало что не в настроении, в гибельном, можно сказать, состоянии души и тела пребывал. «Чего же, братка, случилось?» – спрашивает его Макогонов. И тот, по сути, дела подобрал самое русское и точное выражение: «Прое..., Василь Николаич, автомат!» Задумался Макогонов – как помочь? И придумал... Светлым днем отправились ленинские со смоленскими в район Старой Сунжи. Там, расположившись за горушкой поудобней, стали лениво постреливать в сторону леска. А как стали палить, доложили в комендатуру, что замечено в леске движение боевиков. И доложили с таким умывалом, чтобы потом смоленские менты могли составить акт: дескать, утеряли автомат в пылу страшного боя. И вдруг – кто бы подумал? – оттуда из леска шмальнули в ответку, да так ловко, что просвистели пули как раз над головами горемычных смоленцев. Макогонов быстренько укладывает всех за броню, сам берет винтовку и смотрит через снайперский прицел. Мама дорогая – а там банда! И расстояние до них не больше трех сотен метров. Вот так дела! Боевики, постреляв, давай грузиться на свои машины. Макогонов, не долго думая, приказал Тимохе вдарить по машинам из гранатомета. Тимоха – трубу на плечо – бабахнул! Перезарядил – и второй выстрел туда же. Загорелось за леском. Макогонов всем команду – на броню. И ходу они. Так и разъехались в разные стороны, по дороге успели еще от смоленцев получить магарыч за успешную «операцию». В комендатуре уже шум-гам: боевики прорываются! А в городе среди боевиков пошли страшные слухи, что федералы начинают крупномасштабную спецоперацию. И как ломанулись «духи» из города! Но самое смешное произошло на следующий день, когда комендант города Филатов, вызвав к себе на доклад Макогонова, стал упрекать его в трусости: «Вы, товарищ подполковник, трус, раз не дали команду своим бойцам наступать!» Макогонов взорвался: «Вы, господин полковник, кого это трусом назвали – меня? За то, что я без подготовки не погнал своих солдат на

убой! Ради чего, чтобы вы потом с докладчиком поскакали на Ханкалу, а я бы двоих-троих в цинк запаивал? Вы, господин полковник (так и обращался презрительно, «господин», тому и свидетели были), только оскорблять можете. А не нравлюсь, так берите взвод и командуйте!» Развернулся – и за порог. Дверью так вдарили за собой, что штукатурка осыпалась с потолка на ополоумевшего Филатова. Ну а вправду – не рассказывать же было Макогонову историю почетному – что, не щадя своих жизней, спасали они смоленских корешей от судебных тяжб и служебных несоответствий.

И вот, вспомнив эту историю, Макогонов и собрался просить подмоги у опытных в делах выбивания долгов ментов. Менты не против были. Только сказали: «Выпей с нами, Василь Nicolaич, уж очень мы тебя уважаем». Пришлось выпить Макогонову.

Распрощавшись с ментами и договорившись, что не позднее как завтра дело они и обстряпают, рявкнул Макогонов на Лодочника, чтобы тот мух не ловил. Покатились они напрямик по улице Хмельницкого к аэропорту Северный, где в госпитале хватался последними силами за жизнь отставной солдат Андрей Карамзин.

Хирург в госпитале оказался мужиком разговорчивым.

– Да, я скажу вам, случай уникальный. Ведь тринадцать ранений, пардон, четырнадцать. Еще ухо. Это не солдат – это дуршлаг! Но удивительно даже не это. Видели мы и решето. Да уж! Но тут... Ведь, представьте, не задето ни одного жизненно важного органа. Ну да, легкое пропущено в двух местах. Но как? С минимальной кровопотерей для такого ранения. А печень, а кишечник? Чисто, представьте! Желудок с дыркой. Переживет. А сердце?! На миллиметр от правого предсердия прошла одна пуля, вторая в сантиметре от селезенки, третья еще чуть-чуть и пробила бы артерию. Ан нет, все мимо, мимо. Позвоночник еще задет, но двигательные функции со временем восстановятся, рефлексы слабо, но присутствуют. Ну что сказать на это? Везунчик. И еще. Стреляли в этого солдата не профессионалы, мало того, стреляли люди, плохо понимающие вообще, что такое пистолет и как им пользоваться. В него стреляли практически в упор. Вы, если станете стрелять в упор, вы попадете человеку в голову?

Макогонов машинально тронул кобуру, что висела на поясе. Военврач смущенно потер лоб, предложил Макогонову закурить.

– Не курите? Что ж и правильно. Простите да, хм, за вопрос. И все-таки вы бы не промахнулись, потому что натренирована рука. Простите. Хым. А в нашем случае оружие направлялось нетвердой рукой, мало того, мне так кажется, уж прислушайтесь к моей интуиции, стрелял человек, страдающий наркоманией. – Доктор сделал ударение на «и», что характерно для специалистов. – Мне приходилось иметь дело с такими. Ломка. Нетвердая рука, руки дрожат, зрение предурное. Стреляли с двух стволов. Это видно по характерным рискам на пулях, видно даже невооруженным глазом. Правда, пришлось солдату ампутировать руку, – пуля перебила локтевой сустав очень, очень неудачно. Но, в общем, можно сказать, ему повезло. Это ваш солдат?

Макогонов хотел сказать, что не его это боец, что это сапер, а саперы все пьянь и рвань. Но не сказал.

– Мой. Мой это солдат.

– Ну, раз ваш, так и хорошо. Вы, наверное, пообщаться хотите? Я понимаю, надо. Ну что ж, можете. Только халат накиньте. И не долго.

В реанимационной пахло смертью и хлоркой. Двое в бинтах как мумии. У одного изо рта торчат трубки, веки подрагивают. Раненый тяжело дышит; ритмичные писки и всплески на мониторе фиксируют биение его сердца.

«Тяжелый», – подумал Макогонов. Он подошел к другой койке и, присев на стул, стал смотреть на солдата. Карамзин открыл глаза.

– Здравия желаю, товарищ подполковник, – прошептал Андрюха.

– Живой?

– Живой.

– Ну, лежи.

– Угу.

Это «угу» было сказано сапером Карамзиным совсем не по-военному, а по-мальчишески как-то.

«Госпиталь – это дом отдыха, если не сильно болеешь, – вспомнил Макогонов свои месяцы после “тяжелого” под Катыр Юртом, – а если сильно: если течет из-под тебя, трубы торчат из разных человеческих мест, и гноится, и под гипсами чешется нестерпимо, когда по большой нужде в туалете целая проблема, когда герои с орденами на парад под знамена, а ты в своем деръме и крови по самое “не хочу”, тогда это военная тюрьма строгого режима».

– Товарищ подполковник, вы про это пришли спросить?

– Про это. Как тебя зовут?

– Андрей.

– Лет сколько?

– Тридцать семь.

– Ровесники. Домой ехал?

– К дочери. Она у меня, она… Деньги все хотел жене. Из-за денег все. Ротный вот помог, спасибо ему. Зря все, зря…

Больно скривился Андрюха и медленно по кусочкам стал вспоминать:

– Такси. Их было двое, но сначала один… Он все молчал, а говорил по-русски плохо, почти не говорил, может, пару фраз только. Машина?.. Не помню какая была, не помню, да… Только, знаете, вело ее все. Куда же? Влево?.. Нет, точно, вправо. Я еще подумал сход-развал, резину ведь сжует. И я задремал, а потом плохо помню. Помню, что ударили по голове, а после били. Я не чувствовал, как будто что-то в башке отбили чувствительное. Стреляли. Мне уже было не больно, только помню ягоды.

– Какие ягоды?

– Красные гроздьями. Я их, когда очнулся, пожевал. А они горькие. И крови было много во рту, солено было.

Макогонов нетерпеливо заерзal, халат свалился с одного плеча.

– С кем договаривался, с комендантскими?

– Нет. – Андрюха заволновался, заворочался. – Она же не могла… Я тогда не хотел, чтобы ее взрывали, не хотел, клянусь! Я им говорил, а они джип. И ей все лицо пожгло, а она ведь женщина. Как же? Не могла она такое сделать со мной, не могла.

– Какой джип? Кто «она»?

В палату тревожно заглянула медсестра.

– Кто?! – кричит Макогонов.

– Товарищ подполковник, он теряет сознание же! Ну что вы, – медсестра с укором посмотрела на Макогонова.

Сапер закрыл глаза.

Макогонов вскочил, – спал с плеч белый халат, – развернулся по-уставному. Кляня всю медицину в лице медсестры и военврача, и кляня слаботелого сапера Карамзина, и себя, что главного не услышал, шагнул к выходу.

Но вдруг сзади раздалось тихо, еле-еле:

– Малика. Кафе у комендатуры. Малика.

Хирург проводил его.

Макогонов, подставив лицо легкому ветру, ждал особыста.

Малика, кафе, джип. Ну, вроде все ясно. Баба есть – наводчица. Джип?.. Он вспомнил случай – рассказывал Валера Тополев – взорвали сволочи контрабасы кафешку, чтобы не отда-

вать долгов. Ну, взорвали и хрен ли! Стоп. Малика? Малика... Чего-то будто забыл, не сопоставил.

Морщится Макогонов как от зубной боли. Почувствовал, что за спиной кто-то есть чужой. Обернулся.

К нему подходил майор-особист.

– Здравия желаю.

– Здравия желаю.

Майор по пути доложил, что мужика с бабой пришлось задержать до выяснения.

– Здесь, – указал на одноэтажное строение майор.

В камере на полу сидела немолодая женщина. Мужчина стоял, прислонившись спиной к облупившейся стене.

– Имя, фамилия? – спросил Макогонов.

Чеченец назвал. На голос засуетилась женщина: поднявшись с колен, стала оправлять юбку, приглаживать волосы.

– Куда направлялись?

Мужчина говорил почти без акцента.

– Сестра это моя. Говорит, приди Ибрагим, отвезем с тобой молоко. Продадим, получим денег. Купим мяса. Я тебе сделаю жижиг галнаш на ужин.

– Откуда?

– С города, с района, – назвал улицу.

– Кто по профессии?

– Вор.

Макогонов удивленно вскинул брови, кашлянул от неожиданности.

– Кто?!

– Вор-рецидивист.

Мужчина был прилично в годах; был он сухопар и, как и всякий породистый чеченец, точен лицом; не черен как грач, но и не сед еще, хотя по его годам пришло ему уже и поседеть бы; усы, щетина; нос крючком, губы изогнуты; рот скривлен в сторону, будто перекосило по какой нервной болезни.

– Чего воровал? – в тон ему Макогонов, рассердившись как бы.

Но чеченец спокойно и вдумчиво повел свой разговор:

– Ты не думай, начальник, я не в обиде, что задержали нас. Доброе дело – за него платить надо. Худое дело – за худое дело не сам, твои дети заплатят. За мои дела платить некому: холост и детей не народил – по закону жил. Чего спросишь – скажу. Но скажу, что знаю. Что не знаю, не пытай, начальник, мне не резон попусту языком валять, квалификация не позволяет. Сестра плачет, молоко скислло. Мне жалко, жижиг галнаш не поел. Ты, начальник, когда сможешь, приезжай, сестра жижиг галнаш делае-ет! Сладко поешь, потом спать ляжешь, ночь поспишь, никто тебя не побеспокоит. Потом снова приходи, снова будешь гостем. Ты не дурак – умный. Спрашивай.

Чутьем профессионального разведчика Макогонов понимал, что игра началась. Каждое из событий минувших дней, каждый из героев, участников этой игры, только начинали, как звенья в цепи, еще не цепляясь друг за друга, еще не выстраиваться в закономерной логической последовательности, но прорисовываться – будто очертания незнакомые в тумане. И придет еще время, когда, выстроившись в единый ряд, герои станут участвовать в событиях. События же случатся единственно в той последовательности, в которой ты, мастер игры, спланируешь их.

Макогонов спросил о раненом на дороге: что видели, слышали ли выстрелы, какие машины проезжали мимо. Чеченец отвечал. Женщина, сестра его, жалобно все смотрела из своего угла и реплик не позволяла себе.

– Сестра из села. Приехала, вот, и говорит, помоги, Ибрагим. Как не помочь родственникам? Приходи, начальник, завтра. Как есть и приходи. Хороший будет жижиг галнаш. А молоко скислось. Отдайте его сюда в госпиталь. Кислого молока будет раненым. Ты воевал? – вдруг спросил в лоб.

Макогонов губы свел в нитку, заворочал желваками.

– Воевал.

– Видно по тебе. А майор из особого отдела не воевал. Не умеет говорить.

– Мне что за дело?

– Дело, верно, не твое. Скоро нас отпустишь?

– Выходи, – с этими словами Макогонов толкнул дверь камеры и посторонился. – Выходи.

Машина твоя за воротами.

– Отогнали…

– Что?

– Зря, говорю, за ворота отогнали, ночью могли попортить. Народ дурной, время дурное.

Пошли, Малика.

Макогонов вздрогнул, будто пристрелило.

– Как, как ты сказал – Малика?

– Сестру зовут Малика. Она по-русски плохо говорит. В селе всю жизнь прожила. Спаслась в войну, потому что была в селе. Их село не пускало боевиков. Потому и выжили. А через другое Шаман шел, громко шел, плохо было в селе.

За воротами стояла одинокая «шестерка». Рядом прохаживался Лодочник, заметив командира, нырнул в «бардак». Взревели моторы. Макогонов забрался на броню. Они поехали, проехали мимо ворот и Ибрагимовой «шестерки». Хозяин качал головой и вынимал осколки из разбитого водительского окна. Макогонов пнул ногой Лодочника в шею, тот притормозил и обернулся.

– Ты смародерствовал? – кивнул назад Макогонов.

Лодочник-Маркман скривил довольную рожу.

– Да чего взял-то… набор инструментов, всякую хуйню.

– Ну, сволочь!

– Виноват, тащ. Я, когда в Ведено наступал, во там мародерка была!.. Села богатые.

– Куда? Где? – будто рассеян Макогонов. Но засвербело, застучало.

– Ну, когда Шаманов шел на Ведено.

«Стоп, Лодочник, мародер гребаный, молчи теперь еврейская морда, не до тебя сейчас. Вот оно выпутилось. Склепалось, два звена состыковались. “Сестру зовут Малика… Их село не пускало боевиков. Потому и выжили”. Малика!..”

Сплелось.

«Ах ты ж, Мельник. Вот сукин сын!»

Думал Макогонов теперь об одном: как вернется в комендатуру и пинками погонит Тимоху или Пашу Аликбарова, чтобы волокли к нему из вонючих камер этого сукиного кота Бову Мельника.

– Ах ты, Мельник, Мельник!

Игра, игра.

Макогонов теперь планировал ход дальнейших событий.

* * *

Майор Женя Хроленко страдал от переизбытка веса, и глупо верил, что умеренным питанием можно соблюсти фигуру. Но в употреблении «алкагля» умеренность Женя соблюсти не

мог, потому и толстел: сколько ни кричал всем, сколько ни пропагандировал комендантских на здоровый образ жизни, сменяясь с дежурства, шел к себе с мыслью единственной о выпивке.

— «А нам осталось уколоться и упасть на дно колодца», — напевал Женя.

Жизнь свою майор Хроленко считал пропащей: сдалась бы ему эта военная служба, сдались бы ему эти погоны! Да и деваться Жене теперь некуда было, потому как в свое время не свинтил вовремя с Красной армии, а теперь уж и обидно было. Глядишь, лет через пяток дослужится он до каракулевой папахи и, выйдя в отставку с полковничьей пенсиею, станет выращивать огурцы на подмосковной даче. Дача досталась ему от тещи, и он все спорил насчет огурцов со Славкой Норгеймером.

— Дурак ты, Славка! Да и чего геройского в том, что вы, саперы, как последние олухи лезете под фугасы? А ты, офицер, чего с солдатами прешься на мины! Помнишь, Вакула был... Слава богу, уволился. Так он и орал тут, что умалишенный: «Вперед на мины за орденами!» Чего получил? Опалины с щетины дохлого поросенка получил. А огурцы — это на всю жизнь. Да-acha, — тянул мечтательно майор Женя Хроленко.

— Пошел ты, Хруль, к такой-то матери, — слал его пьяный Славка и хватал гранату, молотил той гранатой по столу.

Граната Ф-1 даже со вкрученным взрывателем от долбежки не взорвалась бы все равно. Но Женя любил Славку провоцировать.

— Вот, чего в вас, саперах, геройского?.. А я колонну на Ханкалу гонял, в Моздок гонял. Нас взрывали, обстреливали! А нам шиш, а не орден. А вам — сходил на маршрут пару раз — и орден. Несправедливо, понимаешь ли.

Напытается и спорят до посинения. Славка гранатой стучит.

Макогонов раньше жил в соседней комнате: до полночи слушал долбежку, ругался, даже колотил Славку баламутного. Да безтолку: пару дней тишина, напытается — и понеслось снова-здорова. Выделили взводу разведки полуразрушенный барак за палаткой связи. Соорудили там солдаты казарму, за выгородкой кабинет с кроватью и трофеями настенными часами. Переехал Макогонов. Сильно он не любил пьяниц. Норгеймера уважал — офицер боевой. Майора Женя Хроленко, Хруля, презирал и даже не скрывал своего к нему низкого отношения.

— Или разведка, — говорил Женя. — Глянь, сунули своего в камеру — и как это объяснить? Сидит солдат со всякой мразью, с бандитами. Не понимаю.

— А ты, Хруль, непонятливый с детства, — пьяно рычал Норгеймер и колотил гранатой по столу.

День сегодняшний для дежурного по комендатуре майора Хроленко проходил спокойно. Саперы вернулись без происшествий. Утром сразу, как пришли саперы, умотал куда-то начальник разведки. Душухин все бегал из угла в угол, требовал какие-то списки на убывших контрактников. А на кой дьявол ему, дежурному майору, думать о каких-то там списках? «Контрабасы» сегодня приходят, завтра их выгоняют по всяким поводам. Пьянь и рвань, одним словом. Думай еще за всякую падаль.

Женя выбрался из душной дежурки и раскурился с удовольствие у входа в штаб. Видел краем глаза, как помелся куда-то Душухин со своими бумажками.

— Вот Дух тормоз, — резюмировал Женя. В этот момент за воротами загудело. — Принесло кого-то, — с неудовольствием сказал Женя и махнул дежурному на воротах, чтобы выяснил.

— Разведка, — сказал солдат.

— Открывай, чего смотришь.

Синие ворота поехали в стороны. Во двор вкатился БРДМ. На броне — Макогонов. Соскочил с брони — и к Жене:

— Сейчас пришли конвойных. Ко мне Мельника. Живо, — и, не подав руки, пошел мимо в штаб. Но сразу вышел оттуда и направился наискось по двору.

— Умник, — прошипел Женя. Резче сказать не решился даже шепотом, еще огляделся по сторонам. Солдат у ворот ухмыляется. — Чего щеришься? Ворота закрой.

Солдат, все так же ухмыляясь, стал сдвигать створ ворот.

— Мельник, Мельник. Да берите своего Мельника и хоть веревки из него вейте.

И снова усился Женя в душной прокуренной дежурке и, подперев кулаком пухлую щеку, стал с удовольствием думать об огуречных грядках на тещиной даче.

Судьба не раз забрасывала сержанта Мельника во всякие мрачные места.

Привыкнув к тяготам и невзгодам армейской жизни, Вова Мельник с трудом выносил смрад и неудобства камеры, в которой пребывал по известным причинам уже несколько дней. Заключение под стражу было ему неимоверно в тягость. А все потому, что был Мельник человеком деятельным и даже в госпиталях, где приходилось бывать ему пару раз, находил себе занятия с интересом.

Камера представляла собой комнату без окон, с решеткой в двери, размером такой, что помещалось в ней свободно человек десять, а двадцать тоже бы поместились, но если только битком, да и тридцать при желании можно было сюда впихнуть. Одним словом, стандартная камера для всякой «сволочи». «Сволочь» валялась на грязном полу, притулившись головами к стенам. Воняло от некоторых натуральной бомжатиной, кровяным и естественными испражнениями. Над «поганым» ведром, куда ходили сокамерники, Вова Мельник по большой нужде не присел ни разу. Все ж выводили его: то к Макогонову на разговор, то в штаб по документам и подписям — по пути и забегал.

Ведро переполнялось за сутки.

Пожурчал Мельник: мочой забрызгало пол и лежащего рядом с парашей полумертвого, измазанного кровью и калом человека. Заправив штаны и затянув ремень, Вова, пошатываясь, перешагивая через ноги и руки лежащих людей, добрался до своего угла, присел и, прижавшись затылком к холодному цементу, закрыл глаза.

Его глушануло... Он даже не помнил, как добирались до комендатуры, как волокли его в расположение. Повалили на койку, раздели и позвали Ксюху. Ксюха ощупала его, сказала, что жить будет, еще подмигнула. В голове его взрывались по одной и все вместе гранаты: «Ба-ах, ба-ба-бах!» — «Выходи!» — «Нэ виду!» — «Мельника завалили, будем мстить!» Савва предлагал подкурить травки, Тимоха выпить. Он решил выпить. Появился Макогонов, постоял, подумал. «День, чтобы прийти в себя», — сказал и ушел. Мельник понял слова командира привратно — пил день, второй. На третий опохмелился. Был вызван «на ковер» Макогоновым и предупрежден, что, если такое дело продолжится, вылетит он, Вова Мельник, с контракта, не взирая на все заслуги перед Родиной и разведкой. И пил-то он уже так — пивком оттягивался, но командир слово сдержал, сказал на четвертый день: «Пошел вон!» Коротко и ясно. Во взводе сожалели: «Вован, тебя предупреждали. Командир на принцип пошел. Знаешь же, как он за пьянку выходит из себя. Собирай, Вован, барахло».

В полудреме, стараясь не вдыхать глубоко смрад камеры, вспоминал Вова детали...

После таких обидных слов, увидев на плацу командира, отрыгнув себе на ботинок теплым пивом, Мельник выхватил у Тимохи автомат и в упор дал очередь по командиру. Да повезло ему: то ли рука у него дрогнула, то ли Тимоха успел хряпнуть сверху по автомату. И не задело командира, только порохом горелым сильно запахло. Его не били, но скрутили руки назад и поместили в эту камеру. Выводили его Тимоха и Паша Аликбаров. Они ему сказали, что уголовное дело командир решил не заводить, но с контракта и из разведки Вован летит белым лебедем.

Сильнее всех переживал «солнцепоклонник» Савва. Когда Тимоха выводил его, Савва маячил поблизости. Тимоха так зыркал на калмыка, что тот не решался приблизиться, но делал Вове знаки. Паша Аликбаров пинал Савву в шею и гнал прочь. Савва даже драться с Пашей

пробовал, но здоровяк Паша, прихватив калмыка за ворот, поволок его куда-то за угол. Дальше Вова не видел, только просил Тимоху, чтоб сильно Савву не мучили. «Замучаешь его, макаку узкоглазую, как же», – пытался еще шутить Тимоха.

Да уж – не до шуток было всем.

Как-то напряженно стало в разведке после всех этих неприглядных и даже грязных историй. «Но ничего, – думал Вова, задыхаясь в смрадной камере от духоты и человеческих испражнений, – передюжим».

Сокамерники сначала сторонились Вовы. Они кучковались в своих углах, молились по утрам и вечерам, только однажды к нему подошли, спросили, где восток. Вова плечами пожал, но, подумав, указал в одну сторону – типа, там. Туда и стали молиться.

Часов на руках не было, и время Мельник рассчитывал по движениям за дверями камеры. Вот наряд прошел – узнал по голосу дежурного майора Хроленко. Вот заступили на смену – значит, вечер. Утром пропали менты на завтрак, наряд полы скоблит – значит, уже девять утра.

Курил Мельник много – так, хоть и на время, меньше чувствовалась невыносимая человеческая вонь.

И вдруг в камеру кто-то заглянул через решетку в двери.

– Брат, слыши, брат?

Мельник приподнялся, прислушался.

– Брат, потерпи еще. Скоро через ментов тебя вытащим. Держи.

Мельник пробрался к двери и принял через решетку бутылку и пакет с курицей.

– Спасибо, брат.

– Аттвечаю, вытащим, брат, – ответили из-за решетки.

Мельник отхлебнул водки и поставил рядом на пол, погрыз без аппетита курицу, больше половины отдал сокамерникам. Курица стлодали, водку выпили. Один подошел, присев на корточки рядом с Мельником, спросил:

– Сэуан прэссуют, да?

– Да.

И отстал. Мельник потер вспотевший лоб – струйки текли по вискам.

Лязгнули ключи в замке, открылась дверь.

– Мельник, на выход, – раздался знакомый до боли голос Тимохи.

По коридору штаба шли молча, у выхода на улицу Мельник успел заглянуть в дежурку через стекло: Хроленко съто ворочает щеками, к нему лицом и к Мельнику спиной стоял солдат в «горке». Мельник сразу не узнал кто. На выходе задержался, услышав голос Хроленко:

– Не морочь мне голову. Тут разведка мне мозги пудрит, еще саперы. Иди, Казачков, на хрен из штаба, отпустят скоро твоего кореша на все четыре стороны.

Тимоха не больно, но настойчиво упер ствол в спину. И заорал над ухом:

– Давай, Вован, топай. Не доводи до греха. Нас из-за тебя всех имеют и иметь будут долго еще. Иди, мать-перемать!

«Чего орет-то, бестолочь?» – с обидой подумал Мельник.

Казачков вышел вслед за Тимохой и Мельником. У каштана курил народ. Казачков присел. Тимоха повел Мельника дальше в расположение разведвзвода за палатку связи.

– Во, дожили, своих начали душить, – со вздохом констатировал Казачков. – Дай подкурить.

Солдат, что сидел рядом, протянул зажигалку.

– Говорят, он энэра хотел завалить?

Казачков выпустил дым.

– Говорят.

– А что, так и было?

– Да я откуда знаю? Вон у Хруля спроси.

– Ха. Хруль как заступил, сразу засился. Он только про день зарплаты и помнит. О, вывалился, боров.

И вправду, у черного дверного провала появился майор Хроленко.

– Вы-ыле... Ну че, Казак, дернули массу задавим. Скоро обед.

Казачков задумался.

– Слыши, Казак, пошли к Малике.

– Ее нет сегодня.

– А че так?

– Санитарный день у нее.

Рядовой Казачков был солдатом терпеливым и выносливым, что особенно ценилось командирами. Был сообразительным, как говорили в армии – смекалистый. Достать Казачков мог все: американский камуфляж, нож многослойной стали, коньяку прохладненского. Денег давал корешам в долг, ждал терпеливо, когда отдадут, а если затягивали, не обижался. Марихуаны имел запас коробков пять – хранил в тайном месте. Мог достать героину и «коксус». В общем, был Казачков солдатом в комендатуре незаменимым. Сошелся он с ротным Дубинским, ротный и назвал его Казаком. Служил Казак сапером, ходил по маршруту вместе с остальными. Однажды в коротком уличном бою точными выстрелами уложил подрывника, а потом, наступив тому ногой на живот мял, мял. Потом добил выстрелом в лицо. Был Казак по всем понятиям солдатом крепким. И мечтал Казак служить в разведке, но как-то не пришелся он Макогонову.

Казак проследил за Мельником. Под каштаном теперь никого. Казак глянул на часы – пора обедать. Малика сегодня не вышла на работу, за нее работает тетка. Ох уж эта Малика. Видно, мало ей досталось, видно, забывать стала.

Шмель загудел над ухом. Покружил у самого носа. Казак ловко махнул и сбил шмеля; ушибленный шмель забарахтался в пыли. Казак наступил на него тяжелым ботинком, раздался характерный хруст.

– Промахнулся, не в свой двор залетел. Движения надо наводить за воротами, где свобода. И жив бы остался.

Смотрит Казак на часы. Час прошел, как уввели Мельника, второй пошел. Хруль все болтается у дверей «дежурки». «Вот чмо! – думал Казак. – С такими войну выиграть невозможно. А таких пол-армии. Или ротный. Хватается намертво. Проценты ему. Сука». Прошло два часа. Казак решил, что надолго это с Мельником. Но тут показались двое: на этот раз Мельника конвоировал здоровяк Паша Аликбиров. Мельник брел и как-то нетвердо стоял на ногах, а Паша старался не смотреть в его сторону.

Казак напрягся.

Мельник, проходя мимо Казака, отнял руки. Мама дорогая, вот так отделали Мельнику! Не лицо, а бифштекс с кровью. Вся правая половина лица отекла, подплыла свежей синевой.

Казак глазам своим не поверил: «Охренели, что ли, они? Совсем озверели! Свой же!»

Мельника провели. Хруль, посторонившись, пьяно икнул.

Казак прошмыгнулся мимо часового за ворота, для верности огляделся. За ворота без служебных необходимостей строго-настрого выходить было запрещено. Если Душухин заметит, могут случиться неприятности. Ему же неприятности теперь не кстати.

Человеку новому, оказавшемуся вдруг на площади перед Ленинкой, показалось бы, что площадь эта устроена совершенно несуразно. Люди, которые ходят, стоят, сидят прямо здесь

и вокруг, какие-то неорганизованные, что ли, рассеянные. Некоторые же оглядываются тревожно, другие спешат скорее пересечь площадь и спрятаться за бетонными стенами прокуратуры, комендатуры, «конторы», комплекса правительственные зданий. Голопузые срочники, усевшись под гусеницами дежурной бээмпэшки, смолят папироски, ждут «дембеля» и плюют смачно в жаркое чеченское небо.

«Змейка» с колючкой. У «змейки» бетонный «стакан», у «стакана» менты в касках и с автоматами. Пулемет сошками раскорячился на бетонной плите как раз дулом на уровне груди среднего роста человека.

Казак вышел на площадь.

Кафе Малики... Малика не вышла сегодня, не вышла.

Казак, одернув «горку», зашагал уверенно через площадь. У кафе еще покурил. Вошел внутрь душного вагончика, раскидав зло узорные занавеси.

В кафе в это время находился единственный посетитель – за столиком у окна сидел здоровенный чеченец в милиционской форме.

Казак подсел за столик.

– Салам аллейкам.

– Вуаллейкам салам, брат. Гуалкш моа ду? Как дела?

– Дик ду. Хорошо дела, брат.

– Уэзъми, – милиционер протянул Казаку пакет. – Дэнги. Туэя доля, как догоуэривались.

Нормально, короче, прошло.

– Сколько сняли денег?

– Мало, короче, дэнег. Стали плохо платить федералам, скоро будут ба-альшие перемены.

– Что вахабы?

– Их челоуэк уже пришел.

Казак поднялся из-за стола.

– Прощай пока, адикъоль.

– Прощай, дарагой.

Никто и не обратил внимания на серого в «горке» солдата, что брел от кафе к воротам комендатуры. О чем думает солдат? Так ясно ж о чем: о девицах в Моздоке развеселых на обратную дорогу, чтоб денег выслать домой жене, о детях, что останутся сиротами, если найдет солдата злая пуля или шальной осколок.

Казак думал.

Он думал, что Мельник после их первого разговора в кафе у Малики, не сразу согласился, а сказал, подумаю. Вроде что-то там случилось с Мельником: глушануло на «адресе», говорил народ в комендатуре. Потом запил, его и выгнали из разведки. Он предложил тогда неожиданно пьяному раскисшему Мельнику: «Давай в местную милицию. Есть связи, приличные зарплаты, не то, что у вас в разведке». Мельник сказал, что деваться ему некуда: работы ему, солдату, нет, а, навоевавшись две войны, дома и житья не будет – синдром заест. За что воевал, и сам теперь не знает – все в башке перемешалось. Чечня, разведка, комендатура, девки в Моздоке. Семья дома, в Сибири. Надо же, так все бы и сложилось, но взял Мельник и шмальнул вечером этого же дня в своего командира. Зачем?.. Да стрелял с близи, и видели другие. Пули цокнули по асфальту. Мельника положили и скрутили ему руки. Сидит теперь Мельник в камере, теперь ему дорога в разведку заказана.

«А Мельник деньги любит, – подумал Казак, – попросил в долг да много сразу».

Все бы ничего, но Тимоха ударил его неожиданно и сильно; он успел инстинктивно дернуться – удар пришелся не в нос, как метил Тимоха, а выше под глаз. Глаз заплыл, ныла ушибленная скула. Мельник перетерпивал боль, но больше всего теперь страдал от жары. И от неопределенности – что же теперь будет?

Его выпустили к вечеру. Дежурный открыл камеру и назвал фамилию. Мельник вышел. Во дворе Тимоха протянул ему сумку.

- Ты уж не держи зла, Вован.
- Сочтемся.

С тем и разошлись. Во взводе Мельнику делать было нечего, в комендатуре тоже. Получив на руки бумаги и военный билет, Вова шагнул за ворота. Вечерело. Налево тянулись Старые Промыслы, направо – центр: проспект Победы, Ленина, Первомайка. Мельник, перехватив сумку поудобней, уверенно зашагал через площадь. Уходил все дальше от синих ворот. Прешел последнее КП. Осмотрелся. Дорога к вечеру пустела. Люди прятались по домам; военные в бетонных укрытиях, ощерившись стволами, ждали тревожной ночи.

- Мельник заметил человека, тот стоял под фонарем, не прятался.
- Спасибо, Казак, что вытащили.
- Да, брат, смотрю, твои совсем озверели.
- Мельник потрогал лицо рукой.
- Озверели.

Подъехала черная «Волга». Они сели. Водитель, молчаливый хмурый чеченец, тупо смотрел на дорогу. «Селянин», – подумал Мельник. Они направлялись на Старую Сунжу. Мельник ухмыльнулся про себя – на Старую Сунжу даже днем заезжать было опасно.

«Будь что будет», – подумал Мельник.

«Волгу» трясло и кидало.

Мельник заметил: на ровной дороге тянет и тянет машину вправо.

Остановились у мрачной девятиэтажки. Поднялись по грязной лестнице на шестой этаж. Казак постучал условным стуком. Им открыли. Внутри квартиры Мельник осмотрелся. Свет в коридоре не зажигали. Они прошли в комнату. Тускло горела керосиновая лампа. Мельник заметил двоих за столом. Окно было наглухо завешено синим с тремя белыми полосами солдатским одеялом. «Гнилая квартирка», – подумал Мельник.

Ему предложили присесть.

Казак встал сзади, закурил. Мельник чуть повернулся к нему, чтобы боковым зрением уловить движение.

Одного из сидящих за столом Мельник уже видел раньше. Только не мог сразу вспомнить где. Широкие плечи, руки с буграми мышц, лицо как вырубленное из камня. Впрочем, обычное лицо кавказца. Незнакомец походил на метателя молота или борца. Борца?.. Знакомое, знакомое... Второй же выглядел невзрачно, прихлебывал из кружки, исподлобья наблюдал за гостями.

- Салам тебе, – произнес здоровяк.
- И вам салам, – ответил Мельник.
- Ну, рассказуйай.
- За бесплатно?
- Маладэц, парэнь с юмором.

Казак хмыкнул за спиной. Второй громко прихлебнул. Здоровяк продолжал:

- Гауэрят, ты с Западной Украины родом? Бандероуз?
- Дед воевал против Советов до пятьдесят второго. Потом сдался. Отсидел.
- Зачем стрелял суэго камандыра?
- По пьянке.
- К нам зачем пришел?
- Пока не знаю.

– Достойный отуэт.

– А вы чего ждали? Что я идейный? – Мельника вдруг понесло: – Нужны деньги – раз. Второе – мне обратно пути заказаны. Третье – после двух войн мне на гражданке одна дорога – на нары. Короче, нужны деньги.

Здоровяк нахмурился.

– Наших убиул?

– Кого ваших – вахабов?

– Нэт, нохчей.

– Мне паспорт с национальностью не показывали. К тому же отменили эту графу в паспорте. Демократия в стране.

– Ха-ха-ха, – расхохотался здоровяк. – Дэмакратия?

Ему подхохотал второй.

Хмыкнул Казак.

– Дакумэнты дауай, – перестав смеяться, сказал вдруг здоровяк.

Мельник обернулся к Казаку.

– Это чего за базар, брат? Мы же все обговорили. Мне деньги. Я вам информацию.

Казак смотрел равнодушно.

– Брат, ты дай ему документы. Дай. Мы же должны проверить – с нами ты или засланный. Сам понимаешь, время такое. Пока мы с тобой дела поделаем, документы здесь полежат. Или ты против?

Мельник понимал, что с тремя он не справится. И что вариантов у него: или сразу пулю в лоб, нож в горло – и тогда конец всем его сомнениям и жизненным неурядицам. Или же разыграть предложенную партию, и идти ему, Вове Мельнику, по кривой дороге, которую выбрал он сам.

Мельник достал документы, выложил на стол.

И будто родилось сразу:

– Короче, я так думаю. Завтра иду в комендатуру и встречаюсь с начальником разведки.

Говорю ему, что меня вербуют вахабы. Он клюнет, факт клюнет. Мы разыгрываем комбинацию. Например, с фугасом. Закладываем фугас. Я сдаю место. Мне верят. Дальше дело техники. – Мельник обернулся к Казаку: – Брат, ты говорил, что нужно устроить человека в разведку. Я так понимаю, этот человек ты, брат. Вот тогда случай и представится. Я скажу энэру, что ты меня страховал, значит, ты свой человек.

Это было похоже на бред. «Бредятина, тупее не придумаешь!» – Мельник думал так и ожидал после своих слов какого угодно исхода.

Но предложение его на удивление было воспринято с нескрываемым энтузиазмом: принялись обсуждать детали, и скоро все решили.

– Сколько хочешь дэнэг? – спросил здоровяк.

– Десять тысяч долларов. И задаток.

– Хорошие дэнги.

– Зато какие перспективы. – Мельника несло.

Здоровяк выложил на стол пару зеленых бумажек.

– Дүэсти долларов.

– Мало.

– Хуатыт пока. Одни слова туэаи слышу. Дело будет, будут дэнги.

– Хорошо. Нужно сделать так, чтобы все узнали, какие федералы собаки. Сегодня можно заложить фугас в районе, ну, например, у рынка. Там где оживленно днем. Поставить на часовой механизм. Жахнет. Тут же развести шумиху, что это федералы подложили специально, чтобы внести дестабилизацию.

Поперло Мельника.

Вступил Казак.

– А, что, Конг, думаю, брат верно предлагает. Дело стоящее.

«Конг?.. Кинг Конг. Точно же!» – стрельнуло в мозгу. Мельник вспомнил. Этот мент был известным человеком. Прозвали его за огромную физическую силу «Кинг Конгом», был он еще при Советском Союзе известным борцом республиканского масштаба. Теперь же служил Конг во внедомственной охране. Часто появлялся на площади перед Ленинкой, вроде даже видел его Мельник в кафе у Малики. Да не «вроде», а точно видел! Вот так дела поперли ему, Вове Мельнику. Эк, занесло его, сержанта-бедолагу, в самое логово.

Разместили Мельника в кухне на полу на вонючем вспоротом матрасе.

В комнате говорили, спорили:

– Его надо уалить.

– Успеется. Нужно сделать, как он предложил, поставить фугас на рынке.

– Погибнут люди.

– Э, Конг, что тебе люди?

– Фэдэралы-собаки!

– Ты говорил, что должен появиться человек от Шамиля?

– Он появился, он принес дэнги.

– Этого потом надо свести с бородачами.

То дело, про которое просил комендант, Макогонов, как все важные дела, решил привести в исполнение утром рано. Командир смоленцев откомандировал к Макогонову двух «ответственных товарищей». Детина ростом под два метра, другой коротышка худощавый. Макогонов им говорит:

– Пацаны, мне, в сущности, по хрена эти деньги. Мне его проще застрелить. Но тут дело чести. Я же человек ночной, привык работать ночью. Как законным способом получить долг, не знаю. Короче, могу его застрелить, но нужно сделать все чисто. Так что, пацаны, если что, поделимся с вами.

Менты почесались, помялись. Худой и говорит:

– Знаешь, Василь Николаич, нам деньги по хрена. Ты человек приличный. Мы тебе и так поможем. Дело, можно сказать, чести.

Одного мента звали Толян, он начштаба был у смоленцев, а худой – Лева, опер.

Погрузились на «бардак» и поехали. Заехали в совхоз, на окраину Грозного. Народ видит военных, шарахается. Макогонов одного поймал за ворот. Стой, такой-рассякой! А знаешь, где председатель живет? Повыскакивал народ из дворов, тычут пальцами – вон дом председателя! Оказалось, что председателя свои же совхозные ненавидели люто. Дом был за высоким каменным забором, с воротами, окаймленными завитушками и с позолотой.

Разведчики оцепляют дом. Внутрь входят Макогонов и Толян с Левой.

Председатель, как увидел военных, стал ни жив ни мертв. Побледнел и с лица сошел. Макогонов ему сквозь зубы: гони, гад, долг за соляру! Нету денег, говорит председатель, бедные мы – инфляция и все такое. Макогонов достал пистолет:

– Молись, крыса.

Грохнул выстрел. Председатель повалился на пол. Плачет. Трогает себя по бокам, ищет, куда пуля ему попала. Тут Лева отстраниет Макогонова.

– Николаич, погоди-ка. Не так это делается.

Толян подхватил председателя, тряхнул, чтоб тот пришел в чувство, усадил на стул. Лева, не торопясь, выколупал из стены пулю, нашел гильзу, спрятал в карман.

– Ну что, мужик, попал ты, – говорит Лева председателю.

Толян председателю под дых пару раз сунул, но не сильно, чтоб только дыхание перебить. Лева говорит:

– Бери ручку и пиши доверенность на свою машину. Чего там у него, «ауди» девяносто пятого?.. Конечно, и номера перебиты. Ворованная – да?

– Нэт, – плачет председатель. – Мамой клянус!

Лева ему ручку.

– Пиши.

Тот дрожащей рукой пишет теперь на машину доверенность под диктовку. Толян шарит по дому. Через пятнадцать минут на столе лежала куча золота, денег – рублей и долларов. Оказалось, что жена председателя приторговывала золотишком на рынке.

Макогонов глядел на все это и удивлялся про себя – вот что значит менты!

И тут Толян в довесок ко всем председателевым бедам и несчастьям вынимает из подпола два ствола: охотничий и мелкокалиберную винтовку. Лева берет винтовку и ласково так гладит по стволу:

– Во-от, мужик, теперь ты попал нещупочно, по-взрослому. Разрешения, конечно, нет?

Председатель за голову и в ноги бух: берите, говорит, все, только в живых оставьте! Больше не буду обманывать военных.

Лева ему говорит:

– Нам твое поганое золото западло трогать. Тебя, гнида, даже свои ненавидят, потому что ты есть выродок. Из-за таких, как ты, и войны началась. Будь ты проклят!

Плюнул Лева на председателя.

Тот не утерся: так и сидит, всхлипывает.

– Сколько он должен? – спрашивает Лева.

– Пятьдесят две тысячи рублей и сорок три копейки по расписке за столько-то литров соляры, – отчеканивает Макогонов как по бумажке.

Отсчитал Лева сумму, сдачу бросил на стол. Уже пошли, но Лева вернулся, сгреб все золото на столе и швырнул в морду председателю. Зазвенело. Колечки покатились, доллары зеленые запорхали, промеж них рубли.

По дороге домой Макогонов пообещал омоновцам, что подкинет им спецбоеприпасов и пару трофейных автоматов. Вернувшись на базу, отвалил Питону, как договаривались, половину суммы. Остальные отдал Тимохе во взводную кассу. Тимоха деньги пересчитывал, пальцы слюнявя.

– Слюни подбери, – не удержался Макогонов.

Тимоха хыкнул обиженно:

– Потом же сами спросите что и сколько.

– Поговори.

– Виноват, ташпол.

На том история и закончилась бы. Но дело закрутилось, как никто и не думал.

К вечеру заявился в комендатуру сын того председателя. Он, оказывается, работал участковым в местном отделении милиции. И стал сын кричать, что федералы творят беспредел и грабят мирных жителей. Питон хотел его послать, как и принято было у него, на три буквы. Но в кабинет вошли Макогонов и Штурман. Уселись и слушают. Сынок на Макогонова указывает:

– Вот он и грабил, мамой клянус!

Штурман поднялся. Вынул из кармана доллары и кладет перед сыном на стол.

– Это ваше?

Тот опешил.

– Это?.. Да... Так не праузельно. Надо поговорить было.

Тогда Штурман шагает к двери, зовет кого-то снаружи. Входят двое с автоматами.

– Этого в камеру.

– За что? Вы нэ имеете.

Штурман доллары смял и в нос сынику тычет.

— Чыи, говоришь, доллары, папы твоего? Эти доллары фальшивые. Но самое интересное и неприятное для тебя и твоего папы, что бумажки эти идентичны долларам, обнаруженным у задержанного недавно эмиссара Шамиля Басаева.

Штурман не договорил.

За окном глухо баxнуло, зазвенели стекла.

— Где это? — встрепенулся Питон.

— Сейчас узнаем. — Макогонов потянулся к рации: — «Скала один». «Второму». Где подрыв?

Рация хрустнула:

— Разбираемся.

Штурман кивнул конвойным. Те, схватив под руки сынка председателя, поволокли. Он не сопротивлялся, только вяло просил разобраться. И что бог с ними с деньгами и с папой.

По плацу с опухшим лицом слонялся без дела Женя Хроленко. Макогонов, появиввшись во дворе, на Женю произвел впечатление, как доллары на председателева сынка. Женя засуетился, спрятался за Душухина. Начштаба отдавал распоряжения на выезд «тревожной» группе. Душухин теперь оглядывался и водил носом на синюшный перегар. Женя от греха нырнул в черный провал штабной двери.

Саперный бэтэррыкнул и покатился. Макогонов заметил на броне чернявого солдата. Тот будто прятался от Макогонова, но исподтишка поглядывал.

Штурман тронул за плечо.

— Николаич, сообщили. Подрыв фугаса на Ленина у рынка. Мимо проезжал автобус со студентами. Есть жертвы. Район наш. Штейн со своими уже выдвинулся. Едешь?

— Еду.

Бронетранспортер разведки через пять минут выехал вслед за саперами. На командирском месте, свесив ноги в люк, сидел Макогонов.

— Ну что, поехали,смертнички.

— Гони, Лодочник, без ля-ля, — рявкнул начальник разведки и пнул мародера Маркмана каблуком в шею. Штурман, придерживаясь за башенный пулемет, натягивал на лицо маску.

Скоро доехали до места.

Автобус раскорежило и пронизало осколками. Рваные дыры зияли в бортах, дымилась резина на спущенных колесах. Три недвижимых тела, укрытые тряпками, куртками, лежали в рядок чуть поодаль. Крик стоял и гам. Военные, ощетинившись оружием, сдерживали озверевшую толпу. Метались люди с окровавленными лицами. Асфальт был залит кровью и машинным маслом.

Метрах в пятидесяти от взорванного автобуса замер бортовой армейский КамАЗ.

Макогонов, как подъехал, соскочил с брони и, походив туда-сюда, уяснил себе, что произошло. Но не искореженная водительская кабина автобуса и не тела у дороги взбесили начальника ленинской разведки. Когда он взобрался на борт грузовика, увидел кровавую картину: внутри в черной луже на матрасах и мешках с бельем лежал солдат с перерезанным горлом. Мешки пропитались кровью, кровь капала за борт на землю.

— Доигрались, — процедил Макогонов.

— Я тебя предупреждал, что могут быть непредвиденные обстоятельства, — сказал Штурман.

— Что саперы? — спросил его Макогонов.

— Вон, Норгеймер бродит.

Слава Норгеймер обследовал воронку у обочины. Когда Макогонов подошел к нему, Норгеймер держал в руках осколки и проводки от какого-то приборчика.

— Ну?

— Часовой механизм.

– И что?

Штурман заглядывал через плечо.

– Да ничего, только странно. Почерк знакомый.

– То есть? – переспросил Штурман.

Норгеймер как-то странно посмотрел.

– Надо поговорить. Но не здесь. Что с тем на КамАЗе делать?

– Кто его? – спросил Штурман.

– Казачков перевел, – продолжал Норгеймер, – слышал от местных. Один из вневедомственной охраны его полоснул. После взрыва, как убитых поволокли из автобуса, тот и заскочил в КамАЗ. Полоснул – и ноги. Отомстили, значит. КамАЗ случайно оказался, проездом. Они на Ханкалу ехали, постельное белье везли менять. Или сдавать… Одноухийственно теперь.

– Ты погоди, – заинтересовался Штурман, – а что, твой Казачков по-чеченски говорит?

– Говорит немного. Он же полукровка: мать русская, а отец чеченец.

– Ну-у! – аж присвистнул Штурман.

Убитым оказался солдат из комендатуры Старых Промыслов. Появился главный комендант Филатов, кто-то из местных властей. Заметив журналистов с камерами, Макогонов приказал своим сворачиваться. Норгеймер и саперы тоже закончили работу. Колонна Ленинской комендатуры, прорвавшись через вопящую беснующуюся толпу, заплыла в сторону площади Трех Дураков. На месте остались Штейн-Муфтий со своими операми и следователи прокуратуры. Шумел стихийный митинг. Делали свою работу журналисты.

Вечером в новостях смотрели репортаж. Собрались в комнате Штейна. Макогонов натирал ноги пахучей мазью. Штурман подначивал его:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.